

ПОЛКОВНИК Ф.И. ЕЛИСЕЕВ.

" О Д И С С Е Я "

П О К Р А С Н О Й Р О С С И И ...

Брошюра № 10.

Прямое продолжение брошюр :

ЛАВИНЦЫ И ПОСЛЕДНИЕ

ДНИ НА КУБАНИ.

1920-й год.

* * *

Нью Йорк - 1964 г.

* * *

ОДИССЕЯ ПО КРАСНОЙ РОССИИ. . .

как продолжение 8-ми брошюр:

"Лабинцы и последние дни на Кубани в 1920-м году" и
"Агония Кубанской армии", №9-й.

/брошюра №10/

О Г Л А В Л Е Н И Е:

1. Оглянемся назад. Как это было?
2. Первый день за проволокой в Екатеринодаре.
3. Генерал Уджуко Джанхотович Хоранов.
4. Генерал Николай Апполонович Морозов.
5. Н а ш а б а б у ш к а . . .
6. Красный командир
7. "Новости" из станицы
8. Кубанский областной съезд советов. Комиссар Горин.
9. Т е р н и и д у ш и
10. Н а ш л а г е р ь .
11. П о д о р о г е в "ЧЕНА" г. Екатеринодара.
12. У агитационного поезда.
13. В Ростовском лагере. О п р с с . . .
14. Н а ш с п и с о к .
15. Ростовский лагерь.
16. "П о с л е д н е е п р о с т и - п р о щ а й" . . .
17. Красный комендант г. Ростова. На Москву. . .
18. Картинки по дороге в Москву.
19. В М о с к в е
20. Члены союза трудового казачества . . .

- . -

Цена брошюры - 1 дол. Выписывать по адресу:

Mr. Th. Elyseev, 502 W, 177 St., Apt. 1 C
New York 33, N. Y.

* * *

ОДИССЕЯ ПО КРАСНОЙ РОССИИ. . . .

/брошюра № 10/

ОГЛЯНЕМСЯ НАЗАД - КАК ЭТО БЫЛО?

В коллективном труде книги "Трагедия Казачества", том 4-й, на стр 481, написан:

"Обстоятельства сложились так, что самым решающим и поворотным в истории Казачества момент, во главе Кубанского Края и Армии стоял не казак генерал Букретов. Начальником штаба у него был не казак полковник Дрейлинг. Военным министром Кубани был не казак генерал Болховитинов. Командиром передовых войск, непосредственно соприкасающихся с большевистской дивизией, был не казак генерал Морозов. Видную роль в Армии продолжал играть не казак генерал Шифнер-Маркевич".

В "Кубанском Историческом и Литературном Сборнике" за май-июнь месяцы 1962-го года, № 16-й - об этом пишет и генерал В.Г. Науменко, бывший в те месяцы и дни командиром 2-го Кубанского конного корпуса.

Как-же это могло случиться?... Оглянемся назад.

Кубанская Краевая Рада постановила - все строевые части Войска свести во-едино и образовать свою Кубанскую Армию. Кубанский Войсковой Атаман генерал Филимонов, как исполнительная власть, 1-го февраля 1919 года, издал соответствующий приказ по Войску № 172 /"Очерки Русской Смуты", том 4-й, стр. 58 - генерал Деникин/.

По многим соображениям, главное политическим, Ставка Главнокомандующего Вооруженными Силами Юго-Востока России, не разделяла этого взгляда, как не разделяли, видимо, и многие генералы Кубанского Войска, о чем сам генерал Деникин пишет:

"Оптимизм Атамана /Филимонова/ не разделяла вовсе сама Армия в лице ее командного состава и офицерства. В один из последующих острых периодов домогательства Рады, генерал Науменко /тогда член Кубанского Правительства по военным делам, Ф.Е./ послал запрос четырнадцатью старшим Кубанским начальникам о возможности выделения особой Кубанской Армии и от тринадцати из них получил ответ резко отрицательный. Мотивы были разнообразны: - организационные, стратегические, бедность Кубанских войск в командном составе и технике, наконец главный - опасение, что Армия окажется орудием в руках самостийников и крайних федералистов"

При этом, внизу, в примечании, генерал Деникин перечисляет генералов, кто дал отрицательный отзыв о формировании Кубанской Армии. Вот их список: - Врангель, Улагай, Покровский, Шкуро, Топорков, Крыжановский, Бабиев и др. За выделение высказался один генерал Гейман" - заканчивает он на стр. 59 того-же 4-го тома.

Из 14-ти запрошенных, не названы фамилии остальных шести генералов. По событиям, мы знаем, что запрос был произведен летом 1919 года. К этому времени, на фронте, командовали Кубанскими корпусами, дивизиями и бригадами еще след. генералы: - Шатилов, Репников, Говорущенко, Мамонов, Фостиков и Павличенко. Видимо эти, именно, генералы относились к числу "14-ти" запро-

шенных. Нужно полагать, что запрашивались лишь те генералы, которые командовали Кубанскими боевыми соединениями на фронте, но не те генералы, которые жили и служили в тылу, или были без должностей.

Из этих 14-ти - генералы Врангель, Шатилов и Покровский не являлись Кубанскими казаками, следовательно, в естественном порядке своего мышления, они не могли сочувствовать постановлению Кубанской Рады.

Генерал Топорков был родом казак Забайкальского Войска, из сверхсрочных подхорунжих Русско-Японской войны 1904-05 гг.

Все же генералы-кубанцы, за исключением генерала Геймана, и кажется Говорущенко и Репникова - в гражданскую войну вступили в чинах войсковых старшин и полковников, за боевые подвиги произведены в генералы властью генерала Деникина и от него же получили свои высокие назначения командиров бригад, начальников дивизий и командиров корпусов. При таком положении они были более послушны воле Главнокомандующего, чем своему Войсковому Атаману, или решению, хотя бы, постановлению ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ Краевой Рады.

Генерал-же Павличенко, урядник Конвоя Наместника на Кавказе графа Воронцова-Дашкова мирного времени - в 1915 году стал прапорщиком, 1-ю Великую войну окончил сотником, в Добровольческую Армию вступил летом 1918 г. и летом 1919 г. ровно через год, произведен был в генерал-майоры. Все это я констатирую как неопровержимые факты, а отсюда легко вывести умонастрое-ние перечисленных генералов.

Кубанская Армия не была установлена. Рознь между Ставкой Главнокомандую-щего с одной стороны, Краевой Радой, Кубанским правительством и Войсковым Атаманом с другой - разрасталась. Фронт покачнулся. Оставлены города - Орел, Воронеж, Курск, Киев. В первых числах ноября 1919 г., когда отступали все три Армии - Добровольческая, Донская и Кавказская - в Екатеринодаре произошло физическое насилие над Краевой Радой. Атаман Филимонов отказ от булавы. Вместо него был избран генерал Успенский. Через месяц он умер. Все три Армии отошли на левый берег Дона, сдав и Ростов. Краевая Рада, ущемленная Ставкой Главнокомандующего генерала Деникина, на пост Войско-вого Атамана избрала генерального штаба, генерал-майора Букретова, родом не казака /о нем потом/, стоявшего в оппозиции Ставке. Несомненно, что этот выбор был сделан "в отмщение" своим Кубанским генералам, не поддержавшим Раду в образовании Кубанской Армии.

И вот - когда была сдана вся территория красным по параллели Киев-Ца-рицын, а по вертикали Орел-Ростов - генерал Деникин разрешил образованию Кубанской Армии. И первым Командующим Кубанской Армии был назначен им же генерал-лейтенант Шкуро. Ровно через месяц, он был смнен и был назначен генерал-лейтенант Улагай, так же, генералом Деникиным. Такова ирония непо-следовательности.

Оставлен был и Екатеринодар 4-го марта 1920 года. Командующий Кубан-ской Армией генерал Улагай, по оставлению Новороссиска, эвакуировался в Крым. Три Кубанских корпуса отходили к Туапсе. Между Атаманом Букретовым и старшими генералами Кубани рознь разширялась. Вот почему он и назначил на все ответственные посты генералов не казаков. Все они были офицеры ге-нерального штаба. О них, в "Казачьей Трагедии" на стр. 481, как аттестация, написано так:

"Эти лица были в свое время, и могли быть в будущем, хорошими команди-рами частей и начальниками штабов в Русской Армии, защищавшей русские интересы, но они не могли быть последовательными и вдохновенными выра-зителями казачьих чаяний и вождями Казачьих войск. Они не могли пове-сти Казачью армию в наступление против Русской армии... К оценке про-

исходящих событий эти русские люди подходили, естественно, с русской, а не с казачьей точки зрения. Казачье дело они не могли отделить от русского дела"...

Кто-же они, эти русские генералы, по прохождению своей военной и боевой службы?

1. Генерал Букретов. Офицер генерального штаба. Пехотный офицер, кажется Кавказский гренатер. На войну 1914 года выступил в качестве начальника штаба 2-й Кубанской пластунской бригады, которой командовал Кубанский казак, генерального штаба генерал-майор И. Е. Гулыга. О нем, генерал Масловский в своей книге "Мировая война на Кавказском фронте, на стр. 93, пишет:

"Возвращавшийся из отпуска, из Тифлиса, начальник штаба 2-й Кубанской пластунской бригады полковник Букретов / в Сарыкамьшской операции, Ф. Е. / образовал из разных тыловых частей отряд, ядром которого послужил батальон 18 Туркестанского стрелкового полка - посланный генералом Юденичем на подводах из Караурганана ночью 11 на 12-ое декабря 1914г. Полковник Букретов с этим отрядом принял на себя задачу овладения и оборону Верхнего Сарыкамьша и Чемурды-дага, а затем составил левый фланг войск, оборонявших Сарыкамьш." За эту операцию он был награжден Орденом Св. Георгия степени.

В конце 1917 года прибыл на Кубань во главе 2-й Кубанской пластунской бригады. В начале 1918 г. был назначен Командующим войсками Кубанского Войска, но не веря в успех борьбы против красных - отказался от должности и в 1-й Кубанский поход не выступил, как и не принял никакого участия и в дальнейшей борьбе против них / "Первые бои на Кубани" - воспоминания Вл. Леонтович, бывшего нач. штаба отряда капитана Покровского, стр. 20, 21/.

2. Волховитинов - бывший генерал-квартирмейстер штаба Отдельной Кавказской Армии с начала войны 1914г. Признан очень способным генералом.

3. Полковник Дрейлинг - бывший инспектор классов Кубанского Алексеевского военного училища в Екатеринодаре.

4. Генерал Морозов - преподаватель тактики этого училища.

5. Генерал Шифнер-Маркевич. Уроженец г. Владикавказ. Сын генерала артиллериста на Кавказе. В чине подполковника генерального штаба, генералом Деникиным был назначен нач. штаба Партизанской бригады к полковнику Шкуро, для прорыва из Ставрополя в Баталпашинский Отдел летом 1918 года. С тех пор - непосредственный соратник генерала Шкуро во всех его боевых действиях, и на Кавказе, и на Украине и по взятию Воронежа в 1919 году.

О действиях Кубанской казачьей дивизии генерала Шкуро по тылам красных в Донецком бассейне - генерал Деникин пишет:

"В этом и позднейших сражениях, надлежит отметить боевое сотрудничество с генералом Шкуро, и оперативное руководство корпусом, его доблестного начальника штаба генерала Шифнер-Маркевича" / в примечании на стр 77, "Очерки Русской Смуты", том 5-й/.

Будучи командиром 2-го Хоперского полка при нашем общем отступлении "от Воронежа и до Кубани" октябрь-декабрь 1919г. и находясь в подчинении своему начальнику дивизии Генералу Шифнер-Маркевичу - должен засвидетельствовать не только что его боевую доблесть, но и личные человеческие качества, как очень доброго, корректного и умного человека, которого казаки обожали исключительно.

В средних числах марта 1920 года, когда три Кубанских конных корпуса и 4-й Донской конный подходили к единственной дороге Белореченская-Туапсе - вся Черноморская губерния на север до Геленджика, а на восток до станицы Хадзыжинской - была занята красно-зелеными. Впереди этих корпусов преграждал дорогу Гойтхский перевал. Связи с отступающими корпусами и с Новороссийском совершенно не было за отсутствием телеграфных линий этого района. И Шифнер-Маркевич, по личной инициативе, своим головным отрядом казаков, разметал противника, занял перевал, потом Туапсе, двинулся на Сочи и занял этот город. И все это сделано незаметно, но для дела. Таков был Шифнер-Маркевич, маленький пухленький, всегда в серой простой череске и в "волчьей папахе" на голове.

Из этих строк видно, что все перечисленные генералы были, все же, связаны своею службою с Кубанским Войском. Букретов и Шифнер-Маркевич были приписаны в казаки.

И невольно возникает вопрос - чья же вина, что свои старшие Кубанские генералы, под разными предлогами, покинули свою Армию и выехали в Крым, а вся моральная ответственность за гибель Кубанской Армии, легла на этих генералов?

По событиям - перенесусь вперед: - в Костроме, в губернской тюрьме, куда нас поместили около 80-ти Кубанских штаб-офицеров летом 1920 года - на наш запрос и недоумение - "как все это случилось на Черноморском побережье?" - генерал Морозов спокойно рассказал, словно прочитал лекцию, что - "революция еще не окончена и процесс ее не только что продолжается, но и еще долго будет продолжаться... потому всем русским патриотам надо быть в России - быть, работать и вариться здесь, испытывая все то, что испытывает весь русский народ... понять народ и строить постепенно новую Россию... которая когда-то освободится от большевиков внутренними своими силами, но не интервенцией... вот почему они и решили капитулировать Кубанскую Армию безболезненно... и что вести дальше казаков и офицеров на бесплодный убой, и ненужно и, даже, преступно... Крым должен все равно пасть"... трактовал он нам.

Он "брал" всю Россию, какова она есть, не имея любви к той маленькой отчизне, которую имели мы казаки.

Он нас, конечно, не утешил. Но с тех пор прошло ровно 44 года и... революция продолжается в России....

Надо сказать * о казачьей массе. Многие станицы приписали "в почетные казаки" некоторых русских генералов, но что бы станичный сбор вынес "спасибо" своему казаку-офицеру - этого не было. В их понятиях - свои родные Кубанские офицеры должны молча воевать, калечиться и умирать, а вот посторонним генералам, чуть он польстит станице - сейчас же дается диплом "почетного казака"... звание которого никогда у казаков не было.

Офицер-казак, к своему уму; он обязательно приложит и биение сердца в Казачьих делах, тогда как посторонний семьи казачьей - сначала разум.

Казачьи Атаманы тех времен - Уральскаго генерал Толстов и Оренбургскаго генерал Дутов - в смертельные морозы, без запасов продовольствия, отходившие в знойные солончаковые зимние пустыни, в невероятных человеческих условиях устилали свой путь трупами умерших от холода и голода, сами в седле во главе казаков - они прошли тысячеротные пустыри, шли и ушли от красных и увели от них своих бойцов в чужие государства, в полудикие и мало культурные государства Азии, в которых международное право считалось, почти, "пустым звуком". Это были настоящие Вожди-Атаманы.

А у нас!...

Рядом культурная Грузия. Доброе и гостеприимное население. Одна вера

у нас с ними. Все говорят там по-русски. И вот - недоговорились во время. . . . И недопустимо было Ставки Главнокомандующего, из-за Сочинского Округа, быть "в холодной войне" с Грузией и не иметь с нею дипломатических сношений.

И была права Кубанская делегация в Париже, проектировавшая "Оборонительный союз" с горцами Кавказа, на случай нашей неудачи. Политические деятели смотрели глубже, чем мы военные.

А отход Капелевской Армии через всю Сибирь к Байкалскому озеру-мору, в котором заморозился и умер и сам их Вождь генерал Капитель. . . .

А переход остатков его Армии через это озеро Байкал в его 60-ти верстном поперечнике по льду с провалами, в вихре встречной снежной бури?

А у нас. . .

Дивная теплая южная весна, когда вся природа входила в жизнь своей красоты. Весь Черноморский флот полный хозяин Черного и Азовского морей. Там же и военный флот союзников. Возможности были полны, что бы перебросить Кубанскую армию в Крым.

И нет сомнения, что новый Главнокомандующий генерал Врангель, он отлично видел, что "Крым не устоять" - так зачем же сюда перебрасывать еще несколько десятков тысяч казаков? И хватит ли пловучих средств в будущем на всех "для ухода в неизвестность"?

Закроем мы эту страницу поздних разсуждений. Участники событий не могут разсуждать безпристрастно. Уж больно много обиды запало в души. Но. . . с тех пор прошло 44 года. И движение коммунизма не только что приостановлено, но оно охватило ровно пол-мира.

Во время пожар не потушен и он оказался стихийным явлением для всех народов. Спасать же казаков было нужно, как живые существа, для идеологической борьбы. И лучше умереть вне Отечества, чем в застенках красной власти.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ "ЗА ПРОВОЛОКОЙ" В ЕКАТЕРИНОДАРЕ.

Настало утро. Первым долгом хотелось умыться, но воды нет. Вообще, здесь ничего нет, кроме длинных пустых высоких досчатых сараев для склада кирпича-сырца.

Пришла какая-то "власть", человек 8. Все в кожаных шлемах-шишаках, с большими красными сукоными звездами на них. Приказано разместиться "по полкам". Разместились. Мы уж не распорядились своими казаками, не хотели. Все делали вахмистра и урядники.

К обеденному времени прибыл какой-то большой чин Кубанского областного правления, по фамилии Чернобаев. Всех собрали на митинг и он "заговорил-защебетал" - как красная армия освободила Кубань от кровавадных генералов и как казаки теперь этому очень рады. . . . Казаки молча слушали, улыбались, но ничем не реанировали. Сам Чернобаев многим понравился. Он оказался местным жителем, с Дубинки, хорошо знающий быт казаков, видимо не плохим парнем и, даже, кампанейским. Средняго роста, подтянутый, красивый брюнет, которому очень шла военная форма. И был молод, не свыше 30 лет.

Он успокаивал казаков не бояться новой власти, т.к. она несет народу только добро.

"Кому что надо - обращайтесь ко мне! . . . Кто имеет в городе семьи - могу отпустить с ночевкой. . . Могу отпустить осмотреть город, который Вы теперь и не узнаете" - глаголет он нам. Ну как тут он может не понравиться?!

И первыми в отпуск пошли к своим женам "с ночевкой" командир Корни-

ловскаго коннаго полка войсковой старшина Владимир Везладнов и мой помощник полковник Ткаченко /Владимир Николаевич/, как и все другие офицеры имевшие семьи в Екатеринодаре.

Власть умела подходила из под-воль. Прибывшие чины были, видимо, из местных большевиков. Но вот приезжает ещё "некто". Он в черной офицерской накидке без рукавов, в высоких офицерских сапогах благородной кожи. Лицо сухое, породистое, прямой профиль, губы крепко сжаты, замкнутые глаза. Кожанный шлем с красной звездой, глубоко надвинут на глаза, что бы скрыть их от других, но эти глаза "все видят". Походка военная, даже кавалерийская. Он идет меж толп казаков прямо к группе представителей власти. Подойдя, он спросил - "кто они?"

"А я из восьми" - ответил он им. На наше удивление, те моментально приняли подчиненный вид.

Что означало это магическое "из восьми", мы не знали, но по их подчиненным позам, по их загадочному разговору, видно было, что это есть представитель какой-то большой и всемогущей красной власти здесь в Екатеринодаре. И когда этот загадочный человек уехал - те вновь стали такими же хулиганствующими "ваньками" из окраин города.

В ожидании "чего-то" - мы, группа старших офицеров, находимся на главном тракте от ворот, идущем к рядам многочисленных сараев. У ворот показало новое лицо. Молодой человек лет 20-ти, маленький, кругленький, в черном штатском костюме, но в кожаном шлеме все с той же большою красною звездою на нем, как знак власти - быстро подходит к нам и вежливо спрашивает:

"Можно ли видеть офицера Анатолия Косякина?"

"Да, конечно", отвечает кто-то из нас.

"Хорунжаго 1-го Екатеринодарскаго полка Косякина!" - раздался голоса в глубь сараев. И хорунжий Косякин появился...

"А-а!... Миша!... Толя!"... пронеслись меж ними возгласы и они крепко пожали один другому руки.

"Если хочешь - я возьму тебя на поруки?" говорит прибывший.

"Ну конечно, хочу!" отвечает Косякин. Потом они долго гуляли вдвоем, о чем то говорили и приятельски разстались.

Тут же Косякин рассказал нам, что прибывший был его сверстник и друг по Екатеринодарскому реальному училищу, по-дурости ушел с красными, записался в коммунистическую партию и вернувшись назад - сейчас занимает в городе пост равный городскому голове. Он не был казак.

Хорунжий Косякин был освобожден, переехал в дом своего отца. О его судьбе будет сказано своевременно.

ГЕНЕРАЛ УДУЖО ХОРАНОВ.

На 2-й день, неожиданно прибыл в лагерь генерал Хоранов с большим своим багажем. Мы сразу же окружили своего командира корпуса.

"Вот сволочи"... начал он рассказ.

Как описано раньше - он говорил, и нам и комиссарам, что -- "согласен командовать и красным конным корпусом". Начиная с Адлера - власти его приласкали. В местном курортном экипажике, запряженной тройкой лошадей, с большим багажем, ему позволили ехать на Кубань. Позволили быть при кинжале и с Георгиевским офицерским крестом на груди. Так он доехал до станции Белореченской. Переночевав, на 2-й день двинулся к Екатеринодару. Но только что он отъехал версты две от станции, как его нагнал красный конный разезд и отобрал экипажек с лошадьми, оставив все ему вещи, седло и кинжал. И никакие документы из Сочи от красных властей - не помогли....

ГЕНЕРАЛ НИКОЛАЙ АППОЛОНОВИЧ МОРОЗОВ.

Нам было очень грустно. Мы все чего-то ждали, а ждать ненаучились. Толпами заполняя штабели кирпичей у длинного забора и оттуда смотрели вдоль улицы к городу, по которой все время было движение родственников. Очень часто сидел и я и смотрел вдаль, как и все другие, завидуя тем, к кому прибывали посетители.

Не скрывая, мы ругали генерала Морозова "за предательство". Ходили слухи, что он получил в командование красную дивизию, стоявшую около Новороссийска.

"Ну конечно... это ему в знак благодарности" - говорилось. И каково было наше удивление, когда на третий день нашего пребывания здесь, мы увидели группу людей человек 10-15, идущих к нам под конвоем и впереди всех шел генерал Морозов. На нем все та же кожаная тужурка, английские бриджи защитного цвета и только головной убор, военную фуражку, он сменил на черный суконный картуз. Черная бородка "лопаточкой" с его смешанным костюмом не выдавали генерала. По виду он был типичный мещанин.

Приближаясь к нам, он, буд-то бы, смутился. Мы все вперились глазами в него и достаточно недружелюбно. А он, коротко потрясая правой рукой в нашу сторону - мягко, с улыбкой, произнес:

"Здравствуйте господа!"

Он очень запросто вошел во двор со своими спутниками и направился в один из сараев. Спутники - это был его штаб, почти все в фуражках, не казачьи. Их доставили в Новороссийск баркасом, а в Екатеринодар поездом.

С этого дня он стал таким же пленником, как и все мы.

Н А Ш А Б А Б У Ш К А . . .

С братом мы ждали кого-нибудь своих из станицы. Надюша давно прибыла домой и, конечно, рассказала всю печальную повесть о нас всех....

Как всегда - сижу и я "как шулпек"/коршун/ на штабелях кирпичей и смотрю вдоль длинной улицы к Дубинке, с надеждой - авось покажется кто-то из станицы? И они показались....

Среди идущих в нашу сторону, я узнал так дорогую нам сухенькую фигурку нашей дорогой бабушки, старческими ногами, быстро идущей к нам по пыльной дороге, с узелком на палочке, брошенном на плечо. Заплетающимися от старости ногами, она быстро подходит к сгущенной массе посетителей у забора, вне лагеря и беспокойными глазами ищет...кого? - да нас, двух ее внуков, заключенных здесь.

"Бабушка!.. Бабушка - сюда!" - кричу я ей.

Услышав знакомый голос, она мечется своими глазками найти меня, но в серой толпе казаков не может угадать своего внука, так же ставшего "серым на вид", как и вся масса людей в казачьих потертых папахах и замызганных костюмах.

"Сюда, бабушка, сюда!" кричу ей из толпы и машу рукой. И она узнала меня....

Лицо ее, усталое, серьезное и напряженное, как-то не естественно растаяло в мягкую пол-улыбку. Расталкивая толпу, она быстро протискивается ко мне. С кучи кирпичей, через забор, я тяну к ней руку. Она хватается обеими руками, тянет к своим губам, целует и плачет-плачет приговаривая:

"Федюшка-а... в каком ты виде! . . . в каком ты виде!.... 19 февраля, во главе полка, с хором трубачей и с заливыми песнями в сотнях, проходил я мимо своего дома; на парадном крыльце его, радостно провожала бабушка

с семьей. Корпус переходил в победное наступление. Мой вид тогда был иной

Простые люди, иногда короткими словами или фразами, выражают исключительно глубокий смысл. В данном случае, наша бабушка на имела ввиду сказать, что вот ея внук, полковник и командир храброго 1-го Лабинского полка "плохо одет, не в родной черкеске с погонами и при стильном Кавказском оружии", а что.....хозяин Кубани, положен на лопатки, враг ступил ногою ему на грудь и наверное убьет его.

Пишу аллегорически: хозяин Кубани - это все мы, вся Кубанская Армия, вот теперь разоруженная, замызганная и посаженная за проволоку "в таком виде".....

Это был крик души старой казачки, олицетворяющей всю нашу Кубань. Крик трагический и смертельный для Кубани. И роковой. С тех дней Кубань, как красочная административная единица, как живой организм воинственных казачков перестал существовать, ведь?!!.....

Откуда-же у простой казачки такая глубокая предвиденность? Предвиденность - это ея суровая жизнь. И жизнь, именно, казачья.

Она родилась тогда, когда Кубань еще не была замирена. Когда наша станица была огорожена рвом и тыном от набегив черкесов. Когда выход из нея был через окраинные ворота, через которые, по сигнальной утренней трубе, казаки выезжали в поле на работы и выгоняли на пастбище свой скот. И когда перед заходом солнца, нужно всем возвращаться в станицу, что бы не быть жертвой нападения горцев. Да и сама она, девочкой, пошла с подруженьками за станицу, "за клубничкой". Увлечлись поисками ея, как показалось несколько конных горцев. Все дети метнулись к станице и спрятались в кустах. Так все она нам рассказывала в нашем детском возрасте.

Потом замужество. Муж на действительной Царской службе, по тогдашнему, шестнадцать лет, без отпусков в станицу. Дед участник Русско-турецкой войны 1877-78гг. Находился он и в историческом "Баязетском сидении", когда гарнизон русских войск был окружен турками. Война закончена и наш Кавказский полк переброшен был в Абхазию, в район Батума, только что завоеванного от турок.

После 16-ти лет службы - дед вернулся домой, на льготу и через год был убит в степи разбойниками. На руках у нея осталось хозяйство и единственный 16-ти летний сын, наш отец.

Не вышла наша бабушка замуж, тогда молодая вдова, и все свои силы посвятила сыну. А потом нам внукам и внучкам, коих было у нашей матери двенадцать.

И доведя всех внуков и внучек до почетного положения в своей станице, вознагражденная Всевышним Богом за свои труды и страдания, заслуженная на полный покой и радость перед смертью - как вдруг полная катастрофа, и семьи родной и всего Казачьяго организма, ея малаго Отечества-Кубани, вне которых ея жизнь уж не представляла, не только радости, но и нужности.... А другие разбойники, убили и ея единственного 50-летнего сына.

Всех посетителей беспрепятственно пропускают во двор. Я веду бабушку не в свой сарай, что бы не показать ей своего "зверинаго логовища", а в пустой, предназначенный для посетителей.

Вызываю старшего брата. Андрюша смущенно, но очень нежно обнимает ее, целует и усаживает на сырой песчаный пол.

"Ну как это случилось, деточки?" - спрашивает она. Этими словами она нас спрашивала, не о нас лично, а - "как это могло случиться, что вся Кубанская Армия сдалась красным"?

Спросила - и лицо ее, всегда строгое и серьезное, редко когда улыбающееся от полувекowego горя и забот - оно вдруг стало таким беспомощным, передернулось гримасами, голова поникла вниз и она заплакала своим безслезным плачем.....

Слез у нея уже давно не стало... Она их давно выплакала.

Как могли, мы коротко, успокаиваючи, рассказали ей о трагедии нашей Кубанской Армии.

"Что-же дальше будет с Вами, деточки? - печально, тревожно, спросила она.

Мы сами боялись за свою судьбу и, своей родной и справедливой бабушке, сознательно вдали, что "все будет хорошо", что бы успокоить ее. Выслушав нас, беспомощно качая головой, она вновь плачет своими сухими слезами и печально произносит:

"Ох... не верится мне что-то, что бы все окончилось благополучно"... Провидица была наша умная бабушка.

КРАСНЫЙ КОМАНДИР.

Она вернулась в станицу, а через сутки прибыла наша мать, старшая замужняя сестра /наш "первенец" из 12-ти детей/ и жена брата. Они принесли нам и радость и многия новости из станицы. Мать рассказала:

"Когда Вы отступили - красная конница с обнаженными шашками неслась по Красной улице. Пленные красноармейцы, что захватили Лабинцы, помещались в Отдельском дворе, с криками "ура" выскочили им на встречу. Один эскадрон красных остановился у нашего дома. Их командир строго спросил меня -

- "А где Ваш сын Федор?" -

"Ушел с войсками" - отвечаю.

"Жаль... хороший он был офицер... и он должен был служить народу"... Потом он молча вошел в залу и увидев твой бинокль на стене, говорит -

"А... военный предмет"...

"Да он пробит пулею", отвечаю ему.

"Ничего... пригодится" - сказал и взял себе. А потом, увидел твой портрет на стене, весело произнес:

"А вот и сам Федор Иванович"...

Я заинтересовалась и спросила - откуда Вы знаете моего сына?

"Я бывший урядник одной сотни с ним... на Турецком фронте... Гречишкин... казак станицы Тифлисской"... а теперь командир красной бригады"

Мать удивилась этому, даже не поверила и теперь спрашивает меня - "правду-ли он сказал?"

Гречишкин сказал правду.

.. Два младших урядника 3-ей сотни, Асеев и Гречишкин, казаки станицы Тифлисской, окончили в Ташкенте Окружную гимнастическо-фехтовальную школу и по весне 1914 года вернулись в полк, в г. Мерв. Как гимнасты, они иногда приходили в нашу учебную команду и конкурировали с казаками "учебнянами" в разных гимнастических номерах на турнике и на параллельных брусках. Работали они хорошо, чисто, но были крупные ростом, мужественного телосложения, почему "стойку на руках" на брусках не могли постигнуть. В этом отношении я для них стал авторитетом, а отсюда и образовалась между этими урядниками и мною, как бы, профессиональная дружба. Я тогда был молодым хунжим и помощником начальника учебной команды.

Кстати сказать - они окончили полковую учебную команду в 1913 году, вахмистром которой был тогда/и при мне 1913-14гг/ старший урядник Никифор Иванович Бородин, теперь войсковой старшина, проживающий не так далеко от Нью-Йорка.

На войну 1914 года оба эти урядника вышли в 3-ей сотне под, есаула Маневскаго /убитаго в чине генерала в апреле месяце 1919г. на Маньчже/. Я командир 1-й полусотни, а они младшие урядники 1-го взвода, т.е. мои непосредственные подчиненные.

Гречишкин - костистый, сильный казак. Крупное лицо с прямым профилем.

Серые холодные глаза. Лицо волевое. Сухой в обращении и с казаками и с офицерами. Под ним отличный конь светло-генлой масти - костистый и мощный как и сам хозяин. Ровно полтора года в походах, в боях, в многократных разездах в глубь Турции рядом со мною был Гречишкин. В месяцы революции держался молча. В самом начале декабря 1917 года, когда полки нашей Кубанской дивизии, уже при большевиках, возвращались на Кубань - оказывается, Гречишкин остался в Петрограде. С мая, дивизия стояла в Финляндии.

Полки дивизии прибыли в свои Отделы перед самым днем Рождества Христова и на праздники были отпущены по своим станицам, в отпуск.

После Праздника Крещения - казаки нашего 1-го Кавказского полка собрались в станице Кавказской для получения жалованья и выяснения о дальнейшем существовании полка. Власть была еще Казачья, Войсковая, на всей территории Кубани. И вот, во дворе Управления Кавказского Отдела, где собрались казаки при полковой канцелярии, на каком-то возвышении, появился Гречишкин, который заявил им, что он - "прибыл из Петрограда... имеет мандат на набор казаков-добровольцев в красную гвардию и предлагал казакам записываться у него"...

Стояла исключительная непогодь. Казаки считали, что, вообще, война окончена и ждали официальной демобилизации "старых годов" от Войскового Атамана, а тут, свой казак-урядник предлагает "набор добровольцев", да еще в "красную гвардию". Его они не только что взяли на смех, но предложили идти ему тудз, "куда он хочет"...

Под смех случайной толпы человек в двести, Гречишкин заявил, что - "вернется в Петроград, доложит кому следует и еще посмотрим - чья возьмет"...

Все это было тогда для всех нас очень странно и непонятно поведение, все-же, хорошего урядника и это его выступление посчитали смешным, почти анекдотичным, как и не обратили на него никакого внимания. Способности кадрового урядника Гречишкина, его грамотность, боевой опыт, как и сочувствие красным оказались настолько видными, что через два года войны, на своей Кубань, он вернулся командиром конной бригады красной армии.

Но этим он не украсил нашу Кубань-казачью?

"НОВОСТИ ИЗ СТАНИЦЫ"....

"А Федю Короткова заставили насыпать пшеницу в чучалы из амбаров, отвезти в Романовский /теперь г. Кропоткин, Ф.Е./ и сдать государству", рассказывает дальше мать. "Насыпал, запрет восемь пар быков в мажары и повез... а они, проклятые, отобрали и быков и мажары и Федя вернулся домой пешком только с кнутом"...

"Вернулся домой с красной армией и мужеченок, Семка Палинов... ты его знаешь. На митинге он много говорил, "дергал" некоторых стариков за борды и угрожал за старое" - с возмущением продолжает она свой рассказ.

"А Соломон /наш работник, пленный красноармеец, Ф.Е./, забрал всех четырех рабочих лошадей, мажару, хомуты и уехал к себе домой... что теперь мы будем делать без лошадей, я и сама не знаю, сыночек" - повествует она....

Слушаю свою мать и молчу. И пропали все мои "наивные мечты" вернуться в станицу, заняться хозяйством и обеспечить сыновья жизнь бабушки, матери и трем сестренкам-подросткам. И ежели мужиченок Семка "дергал стариков за бороды", как наивысшее для них оскорбление, то что же он сделает с нами, офицерами!?

Бежать!.. бежать надо в Крым, в Армию и продолжать борьбу, как уже решил в Сочи и Туапсе.

Но как достигнуть Крыма через море? - вопрос был неразрешим. Вообще-же, все мы были тогда в полном неведении - что-же с нами будет дальше?!

Судьба наша полностью находилась в руках красной власти....

КУБАНСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ.

Он назначен в Екатеринодаре, по два делегата от станиц и сел и по одному коммунисту он них же.

От нашей станицы прибыл станичный комиссар казак Горин и младший урядник 2-го Кавказского полка Великой войны Лев Колюшкин. Оба староверы. Их подворья позади нашего, через улицу. Колюшкина я хорошо знал еще со школьной скамьи, а Горина, мимолетно, случайно, когда я был мальчиком, а он уже с рыжею бородою. Сады над Кубанью, наш и его, были почти по-соседству.

Великую войну он провел на Турецком фронте, в нашем 3-ем Кавказском полку, в котором наш старший брат Андрей был офицером. На удивление последнего - в месяцы революции, Горин стал "красным". Его я не видел лет пятнадцать.

В одном из сараев, он собрал всех наших станичников, что бы "поговорить". Я не пошел. Говорить с ним мне было не о чем. За мной пришел брат, и от его лица "просит дожаловаться дорогого станичника, котораго он знает с малых лет", так сказал мне брат-Андрюша. Пришлось согласиться.

Когда я вошел в сарай - все станичники молча слушали Горина. То были молодые офицеры, не выше чина сотника, сыновья хороших фамилий, офицеры военного времени; были урядники и казаки. Я был не только что старшим среди них, но и единственным кадровым офицером и, естественно, авторитетом. При моем появлении - все они повернули головы в мою сторону.

"Аа!... Федор Иванович!..пожалуйста! Чиво же Вы сразу не пришли? И не бойтесь. Мы все станичники - свои люди. Здравствуйте!" - сказал и протянул мне руку, не вставая с земляного пола.

"Садитесь, Федор Иванович возле меня", предлагает он и продолжает: - "Я, вот, рассказываю станищикам о с,езде. На с,езде мы /т.е. казаки, Ф.Е./ возьмем верх и нададим коммунистам распорядиться по казачьим станицам. Казачьих представителей будет ровно в два раза больше, чем коммунистов, почему мы и возьмем верх своими голосами. И всех Вас выручу из лагеря, после чего все Вы будете жить спокойно в станице и я не позволю никому Вас и пальцем тронуть".

Горин типичный казак-старовер. Светлый блондин. Лицо белое, чистое. Прямой сухой профиль. Длинная, в четверть, ярко-рыжая борода. Он в широких казачьих черных шароварах с красным войсковым кантом. Белая широкая чистая белая рубаха вобрана, чисто по станичному, в "очкур". От жары - бешмет на распахку.

Когда станицу заняли "белые-дроздовцы", он был арестован, во дворе станичного правления выпорот плетью своими же станичниками, препровожден в Екатеринодар в тюрьму для суда. Это было летом 1918 года. При оставлении Екатеринодара белыми войсками, был выпущен на свободу, вернулся в свою станицу и автоматически вновь стал комиссаром ее. Все это я знал, и вот теперь, я рассматриваю и изучаю его. Безусловно, умный казак, не злой и не мстительный. Говорил искренне своим станичникам и они ему верили. Поверил и я его словам, но я уже не верил красной власти, как и не поверил, что они, казачьи делегаты, на с,езде "возьмут верх". Вся сила была уже в красной Москве, но не на местах.

Так и оказалось, Съезд единогласно признал власть народных комиссаров и послал приветственную телеграмму Ленину. После этого началась сортировка капитулированной Кубанской армии. Нам доставляли газеты. Прочитали, что все члены Краевой Радь отправлены в Москву. Сообщение заканчивалось злым и ехидным стихотворением, под заглавием:

"Вбит осиновый кол в Кубанскую Краевую Радю"

Началось "очищение Кубани от вредного элемента".... А Горин, разочаровавшись во власти - отойдет от нее и умрет в станице нормальной смертью.

Т Е Р Н И И Д У Ш И . . .

"Господин полковник... Веч спрашивает какая-то барышня", говорит кто то. Я иду к воротам и вижу одинокую, робко стоящую девушку лет 16-ти. Она оч. скромно одета, но чистенько. Лицо приятное, благородное. Стоит сироточкою.

"Я полковник Елисейев, что Вам угодно? - говорю ей.

"Вы командир 1-го Лабинского полка? У Вас в полку был наш брат, сотник Веприцкий... где он?" - спрашивает.

Вот... вот новое испытание - жутко подумал я. Сотник Веприцкий убит у села Садовое и похоронен в Туапсе. Могу-ли я это сказать, такое ужасное сообщение, этому тихому робкому существу?!... Да она тут-же может умереть от удара...

"У Вас есть Мама?" - спрашиваю.

"Да... и еще меньшая сестра" - тихо отвечает.

"Попросите придти сюда Вашу Маму... а я к этому времени наведу справки - где он?" - оттягиваю роковой удар.

К вечеру приходит мать. Лицо энергичное, чем-то неудовлетворенное, или чем-то обозленное. Одет скромно. Видимо - во всем нужда. С нею обе дочери, как оказалось, наши Екатерининадарские ученицы Мариинского Института. Отец их, подесаул, был старшим адъютантом нашего Кавказского Отдела, когда я был юнкером, жил, снимал маленький домик, рядом с нашим подворьем на Красной улице, но при нем тогда семьи не было.

Подхожу к ним, здороваюсь, и чувствую себя отвратительно. Что я им могу сказать утешительного?!... Какой ужасный удар я должен нанести, и матери и этим двум неискушенным подросткам-дочкам?! Подхожу и обдумываю - с чего начать и как все рассказать? Но меня предупредила мать.

"Вы командир 1-го Лабинского полка? - недовольно, зло, и чисто по-солдатски отрубилася-спросила она. "Где мой сын, сотник Веприцкий? - видимо предчувствуя беду и все сваливая на меня, на его командира полка.

Сказать коротко, всего лишь два слова - "он убит", да еще в присутствии его сестренки, таких милых, молоденьких, придавленных нуждой, у которых, этот их старший брат был всею надеждою в жизни, подспорьем в их печальной жизни - я не мог.

"Он тяжело ранен, Мадам" .. вру я. "А как и где он теперь - я могу сказать Вам только одной" и продолжаю лгать.

"Говорите здесь-же - где он? - ранен?... убит?... уехал в Крым?" - резко, зло, даже оскорбительно бросает она мне.

Меня это задело, словно я был виновен в его гибели. Но мне, и ее и, в ссбенности ее дочерей, безумно жаль. Я отлично понимаю, какое это горе для них. И бросаю взгляд на барышень, стараюсь прочесть в их глазах - какое впечатление произведет на них мое жуткое сообщение?..

Младшая робко смотрит на меня, словно предчувствуя что то ужасное, а старшая более спокойна. Мать-же, она буквально с, едавт меня своими злыми глазами и... ждет. И я решил сказать правду...

"Тогда извините меня, Мадам... Ваш сын убит в бою под селом Садовое и похоронен в Туапсе"...

При этих словах, младшая дочка, как-то, резко передернулась... резко заплакала своею маленькою грудью и с беспомощным окриком ужаса - "Мам-ма!" - повалилась матери на грудь.

"Хорошо!... спасибо Вам!... идемте дочки домой!" - стальным голосом произнесла она все так-же, зло глядя мне прямо в глаза и, непопровавшись - резко повернулась, поддерживая младшую дочку - направилась к воротам.

Я печально смотрел им вслед и совершенно не обиделся на мать. Я так же плакал, в душе с ними и еще по одному страдальческому казацкому свейству на Кубани.. и точно представлял весь их ужас и горе, когда они придут домой!... Там они все будут горько-горько и долго плакать.. и не один день...

Н А Ш Л А Г Е Р Ь . . .

По фасадной стороне был невысокий забор из досок. По сторонам - какие то постройки. Позади чей то сад. Здесь единственное, до пояса, проволочное ограждение легкого и не широкого плетения, которое очень легко можно одолеть. Никакой охраны. У ворот стоит только один красноармеец с винтовкой, но пропуск за ворота совершенно свободный; и многие из нас выходили через него к Кубани, которая протекала через улицу. Там, в Кубани, мы умывались по утрам, а некоторые казаки и купались. Бежать можно было совершенно свободно. Отпускали, ведь, и в город, "посмотреть его". Но - куда бежать? И зачем? Не в станицу же, где каждого офицера немедленно же арестуют, и тогда что!?...

Возможно, еще в дороге на Екатеринодар, да и отсюда, казаки бежали в свои станицы. Там же ведь не всем было известно - кто ушел в горы из казаков. Но офицеры - они все на счету.

Как мы проводили время? Главное - очень томительно. Было скучно. Я же скучал не потому, что было "скучно", а потому, что видел - жизнь моя в ко- не переменилась и в новой, не военной жизни - я не найду удовлетворения своей душе.

Когда мы сдали оружие и лошадей у Сочи - я почувствовал себя так, будто бы неожиданный мрак спустился над нами, полностью заволон все бывшее светлое и мы оставлены злою судьбою в пустыне на полную неизвестность, или гибель...

Я почувствовал, что у меня отобрали самое ценное в моей жизни, после ко- раго не стоит и жить...

Я почувствовал себя тогда совершенно беспомощным, пойманный разбойниками, ограбленным начисто и сброшенным в темную глубокую яму, из которой трудно выбраться...

Теперь ясно видно, что мы тогда перешли свой трагический "рубеж" двух "Россий", двух положений, исключающих одно другое. Мы перешли тогда черту разделяющую свет от тьмы, рай от ада, и которую обратно перейти - было уже невозможно. Я тогда точно понял, что мною потеряно все то, к чему учился, к чему стремился, чего достиг и вернуть все это невозможно... Так сильный зверь зажимает свою жертву в когти, играет с нею для того, что бы ее потом умертвить...

После этого, я ощущал всею своею душою только горе, свое или чужое, о. остро. Всякая же радость скатывалась с моей души как вода с масла, не оставляя своего следа.

После обеда и по вечерам, от скуки, офицеры и казаки, одним своим большим кругом на главном тракте от ворот, пели свои дивные песни Черноморских казаков, больше заунывные, как показатель их грусти. Они образовывались стихийно песни эти. Основую песенников был Войсковой хор, к которому примыкали все, кто томился душою и любил петь свои родные песни. Но регент и глава хора, сверхсрочный вахмистр-черноморец, наотрез отказался управлять нами, заявив: - "Я знаю только Царские песни... их петь сейчас нельзя и опасно, а другая я петь не хочу". Но среди офицеров-черноморцев нашлись самородки-регенты и песни пелись долго, громко и отлично. Одним из регентов был Корниловского полка есаул Андрей Бех. Дивный лирический

тенор, тонкий слух. К тому же, он окончил духовную семинарию. При мне, в конце 1918 г. был еще прапорщиком. Я его очень любил. Он был гостем и в нашем доме после ранения, как то. И вот... из лагеря бежал домой, в свою, кажет-Калниболотскую, или Незамаевскую станицу, там немедленно был аресован местной властью для препровождения обратно в лагерь. А конвоир, за станицей, пристрелил его...

Наш лагерь запружен родственниками, прибывшими даже из дальних станиц. Вход в лагерь был совершенно свободный. Все привозили большие, естные припасы. Щедро делились ими не только что со станичниками и со служивцами, но и с теми, кто был одинок. Мать, сестра и жена брата принесли нам целые узлы с, едобнаго. Собрались офицеры Лабинцы и Кавказцы, гостившие в феврале месяце у нас в доме и знавшие их. На разосланных белых скатертях всего много. И наша сердолобивая мать, крупная и добрейшая женщина, угощая всех, неизменно говорила:

"Ешьте деточки... ешьте на здоровье". И этак она обращалась к офицерам, коим было свыше 30-ти лет, но... для нея все они "деточки", т.е. дети Одной Родной Кубани, нашей Казачьей Отчизны. Такова была простота и сердечность в нашем Казачьем Крае.

Из станицы Темижбекской прибыл длиннородый старик Маслов, отец двух сыновей сотников, находящихся здесь. С ним и жена младшего сына, Феда.

19 марта 1918 г. в день нашего Кавказского возстания, с сотнею своих конных станичников вошел в их станицу, разогнал совет, отобрал оружие, которое казаки сдали и призвал Темижбекцев влиться в наш Стан. И влилось - батальон пластунов в 400 штыков и конная сотня в 135 пашек. Станица Темижбекская считалась молодежкою станицею в полку. Она входила во 2-ю сотню, которую я командовал. Вахмист сотни и два взводных урядника были от них. На радостях - Масловы пригласили к себе "на чай". Младший сын, Феда, бывший студент, представил мне свою молоденькую жену, Тифлисскую институтку. Красивая, стройная, словно ангел - она была в простом казачьем доме, называя отца-старика, высокаго сухого, с длинной узкой седой бородой "Папа", а он ее на "ты" и "доченька". Я был тогда героем дня, собрались урядники-сослуживцы, верили, что "возстановим свою казачью власть".

И вот теперь, этот Мафуссаил лет за 70, со свои ангелом-снохою прибыл к нам в лагерь, что бы повидать своих сыновей в плену... Старик был почти-телен со мною, но я видел в его глазах грусть и боязнь за нас. Старые люди видели гораздо глубже нас о происшедших событиях. Мне же перед ним было стыдно: - развенчанный герой... и так легко развенчан.

Вобщем же, мне было всегда стыдно за свою участь, когда встречал в лагерьях кого из старых знакомых офицеров и урядников.

К тому же - казачье население Кубани, было удивлено и огорчено "сдачею Армии", на которую она так надеялась, что - "Они вернуться и вновь установят Казачью власть". Оно не верило красным, что сдалось 60 тысяч казачков. В плен ведь казаки редко попадали во всех войнах, вот почему и не верили красной печати. Генерал Морозов сообщил потом, что официально у него зарегистрировано на приемном пункте 34 тысячи строевых казачков. Беженцы не регистрировались, а некоторые части прошли самовольно.

Пришло распоряжение:- "Всем офицерам выйти на работы, перенести доски с одного-места, на другое". Не стовариваясь - никто из нас не вышел на работу, но Генерал Морозов, со своим штабом, весь вышел и "таскал на плечах доски". Все они это делали весело, смеялись и таскали, все-же...

"Ну, конечно... популярничает перед красными", недружелюбно перекидывались мы между собою.

Мы, тогда, еще не изжили своего офицерского приеллигированного положения и черный труд нам казался непозволительным и оскорбительным....

ПО ДОРОГЕ В "ЧЕКА" . . .

На 2-й или 3-ий день после Областного сезда, часов в 10 утра, пришло распоряжение:

"Всех генералов и штаб-офицеров выделить из лагеря и немедленно же отправить в Ростов, в штаб Северо-Кавказского военного округа, для назначения на командные должности в Красной армии на Польский фронт".

Мы знали, что Польская армия перешла в наступление и заняла уже Киев. К этому распоряжению многие из нас отнеслись удивленно. Защищать красную Россию многие из нас не собирались, но через Польшу попасть в Крым, в генералу Врангелю - прельщало некоторых . . .

Нас так быстро выделили, и так рано, что те штаб-офицеры, кои были в отпуску у своих семейств, не вернулись еще из города. К ним относится командир Корниловского конного полка войсковой старшина Безладнов и мой помощник полковник Ткаченко.

Командир Сводно-Кубанского полка полковник Лиманский Игнат и второй мой помощник войсковой старшина Сахно заболели и отправлены был в госпиталь. Этими событиями судьбам была совершенно иная, чем наша.

Собравшихся вывели за ворота, провели на пустырь, что между кирпичными сараями Стахова и Дубинкой и остановили. На глаз, нас было человек 80. Мы кого-то ждем.

Издали, облически к нам справа, приближаются в направлении лагеря две крупных фигуры в длинных череснах нараспашку, в крупных папахах. Один из них часто вытирает папахой пот на лице. За ними небрежно идет плюгавый красноармеец с винтовкой. И каково же было наше, и удивление и жалость, когда в этих двух фигурах, мы опознали генерала Яков Георгиевича Косинова и бывшего так нарядного, с седой бородкой лопаточкой, генерала Серафимовича.

Опознав некоторых из нас - они приветствовали взмахами рук и с напускной беззаботностью, дружески улыбаясь, прошли мимо нас шагах в 50-ти.

К нашему удивлению, подошел конвой человек в 30 красноармейцев, окружил нашу группу и с ружьями "наперевес" - приказал быстрым шагом двигаться к Дубинке.

Прошли ее. Вот казармы учебной команды 1-го Екатеринодарского полка, городской сад. Идя по Почтовой улице - справа проходим Атаманский дворец. Сердце начинается биться оскорбленным чувством. Нас уже сопровождают родственники и знакомые, шедшие к нам на свидание. Среди них обнаружил я и нашу бабушку. Мать уехала в станицу и больше я ее не видел на этом свете . . . О ней после.

С Почтовой свернули на Красную улицу. Конвой ведет нас почему-то по левой стороне ее. Толпа зрителей усилилась. Мы проходим "триумфальную арку", досчатую, вся в красном цвете. На ней надпись крупными буквами:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

2-й этаж Атаманского дворца, до окон, задрапированный красным широким полотнищем. Памятник Запорожцам и Императрицей Екатериной 2-й снят.

На душе мрак и оскорбление Войскового достоинства.

Какая-то маленькая женщина, с грудным ребенком на руках, старается как можно ближе идти с левофланговым командиром 1-го Кавказского полка полковником Фоменко.

"Не подходи близко!" кричит на нее один конвоир зло.

"Это моя жена . . . позвольте, товарищ, ей идти рядом со мною", просит Фоменко.

"Жена-а!?! . . . пусть идет, но не так близко" отвечает страж . . .

"Ваня!... а где Коля?" - вдруг прерывает нас резкий женский окрик из сопровождающей публики.

"Там"... коротко отвечает войсковой старшина Храмов и указал рукою на запад.

"Не разговаривать!... а то я Вас штыком!" - кричит левофланговый конвоир и женщине и Храмову.

Крик женщины был настолько острый своим беспокойством, что я невольно глянул в ее сторону. Высокая, стройная, красивая и нарядно одетая молодая женщина, с грудным ребенком на руках, продолжала не отставать от нас.

"Кто она?" - тихо спрашиваю Храмова, сверстника по военному училищу и однополчанина по мирному времени.

"Жена Коли Черножукова"... отвечает он не глядя на меня, идущаго с ним рядом.

Черножуков, казак ст. Усть-Лабинской, Екатеринодарский, реалист, в 1911 году окончил Тверское кавалерийское училище и вышел в 1-й Черноморский полк. Красавец и богатый человек. Я его хорошо знал. Будучи командиром сотни Корниловского конного полка в чине подесаула, в средних числах октября 1918г. когда полком командовал полковник Коля Бабиев - он был тяжело ранен в ногу. Долго лежал в госпитале и стал хромым. Крым, Лемнос и сейчас проживает в Югославии. Какова судьба его супруги-красавицы - неизвестно.

На Красной улице толпа народа удивленно смотрит на нас, так недавно бывших властелинов сих мест. Дойдя до Екатерининской улицы - нас повернули на нее и остановили на углу Бурсуковской, у здания областного "чека".

Генерала Морозова вызвали во внутрь здания. Мы свободно стоим и, даже, разговариваем с посторонними. Прибыли родственники войскового старшины Семенихина из станицы Безскорбной и сообщили ему, что его жена неожиданно умерла и они не знают, что делать с двумя его маленькими дочками. Семенихин заволновался. Он просит власть дать ему разрешения сездить в станицу и устроить сироток. Власть соглашается, но просит письменное поручительство десяти человек из нас, что он потом вернется в лагерь. Мы даем свои подписи, он едет в станицу, во время возвращается в лагерь, потом бежит в станицу Лабинскую, узнает о движении генерала Фостикова, бежит к нему, ведет борьбу против красных. Потом Крым, Лемнос, Франция.

По выходе из госпиталя - бежит к Фостикову и полковник Лиманский Игнат. Так же этапы - Крым, Лемнос, Франция. Там я связался с ним письменно. И доблестный командир полка в былом, отвечает мне, что у него полное разочарование и он "давно вложил свою шапку в ножны"....

Как окончившие ускоренные курсы генштаба - есаула Васюкова Якова, казак ст. Усть-Лабинской, вызывают в здание и назначают его в какой то штаб.

Вышел Морозов с документами и мы уж без конвоя идем к вокзалу, что бы следовать в Ростов, в штаб Северо-Кавказского военного округа для... но нас не туда направили.

На вокзале много провожающих нас. Все женщины. Здесь и наша дорогая бабушка. Она, как затравленный и уже безсильный зверек, не отходит от нас. Она так жалостливо-ласково заглядывает нам в глаза обоим внукам, словно хочет насмотреться в последний раз... Я ее успокаиваю как могу, сам беспомощный.

"Ах, Федюшка, чуёт мое сердце, что будет горе"... говорит она и безслезно плачет. Потом бросилась куда-то и приносит полное ведро нашего вубанского борща. Все голодны, кавказцы и лабинцы, как ближайšie, обступили ведро со своими деревянными ложками и о - как вкусен был наш родной был борщ!

У АГИТАЦИОННОГО ПОЕЗДА. . .

На вокзал, для поспешки в вагоны на Ростов, мы прибыли без конвоя. С нами и сопровождающие родственники. Прибыв, все разместились в садике. На пероне вижу большой состав пассажирских вагонов, весь разрисованный яркими красками. Заинтересовавшись - рассматриваю его. Вот чисто Украинское село. Перед ним речка. Из хат выскакивают пластуны с ружьями на перевес, с кинжалами на голубых донских чекменах. Надпись гласит, - "пластуны выскакивают по тревоге, что бы прогнать белых генералов".

Вот лава Донских казаков, с пиками "наперевес", вихрем летит на убегающих генералов.

Вот Донской генерал у пушки, держа руку за спиной - получает кошелек с деньгами от американца. . . . А вот поверженный на спину крупный Донской генерал, в лампасах и с пышными эполетами на плечах. Через него шагает с винтовкой красноармеец. То - "Освобождение от Донцов камменно-угольного района красной армией". . .

"Что, интересуетесь товарищ?" вдруг спрашиваем меня появившийся на площадке вагона 1-го класса оч. молодой человек, в серой длинной черкеске в серой каракулевой папахе и в дорогом Кавказском оружии - кинжал и шанка. Все на нем новенькое и сам он смазливый.

"Да. . . интересно. . . а Вы кто таков будете?" спрашиваю.

"Кубанский казак. . . а Вы кто? переспрашивает он.

"Я тоже Кубанский казак, но теперь пленный офицер Белой армии", отвечаю.

Узнав, что нас здесь много и отправляют в Ростов - он пригласил всех выслушать его. Оказывается, это был агитационный поезд. Стоя на площадке, он "заговорил" высоким фальцетом:

"Товарищи-ии. . . советская власть, под руководством нашего дорогого Владимира Ильича". . . и пошел и пошел. Как на нем сидел Кубанский мундир, как висела на нем пашка, как он выкрикивал слова - он, конечно, не был казак.

Мы стоим в недоумении и не знаем, что нам делать? . . Нам становится оч. стыдно, что он так громко говорит-выкрикивает агитационные слова, да таким высоким фальцетом, словно нас здесь не 80 человек, а несколько тысяч.

Генерал Морозов, стоя чуть в стороне от нас, но на уровне середины толпы, когда он, этот агитатор, взял "высокий тон" - плюнул в его сторону, повернулся назад, отошел несколько шагов и сел на землю, спиной к нему. . .

Нас это удивило и восхитило. Как то сразу же переменилось к нему наше отношение. Агитатор постарался не обратить на это внимания, а мы, постепенно, стали так же отходить от вагона. Мар его слов не тронул нас, но обидно было, что он выступал от имени казачества и в нарядной казачьей одежде.

На не искушенный народ, все эти образно нарисованные картины на всех вагонах, в ярких красках, сильно утрированные в своем художестве - могли произвести известное впечатление.

Так агитировали красные перед Донским и Кубанским казачеством. А у выхода из Екатеринодарского вокзала - вновь триумфальная арка с навязчивой надписью: - "ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ". . . .

Войсковое офицерское собрание на Екатерининской улице, так нам всем известное - так же задрапировано красным кумачем на 2-м этаже до окон. Все это для нас было оскорбительно.

- . -

Полковника С.И. Земцева провожает семья со многими родичами. Жена и дочь упрашивают его взять с собой большую столовую серебряную ложку и 2 сал.

фетки. Он отказывается, те настаивают и он, наконец, соглашается взять их.

Подали два пассажирских вагона 3-яго класса. Пронеслось распоряжение "о посадке". Услышав это слово, наша бабушка вся передернулась. Чужло старческое сердце, что в последний раз она видит своих дорогих внуков. Мы с братом крепко обнимаем ее, целуем в щеки, в глаза. Она уже не плачет, а как то по звериному, в изнеможении своих душевных и физических сил, только вскрикивает: - "деточки-и!... деточки мои-и!"

Я боюсь, как бы она не упала в безпамятство, почему поддерживаю ее, успокаиваю, целую ее еще и еще... целую руку, ея сухую морщинистую рабочую руку и на ходу вскакиваю в вагон.

Она, словно понявша "все", наше "последнее прости" в жизни - как то не естественно встряхнулась для поднятия своих физических сил и вперившись в нас глазами - скорым-скорым шагом идет, бежит рядом с отходящими нашими вагонами сгорбившись еще сильнее, и на бодрящие наши слова и слова друзей-кавказцев, плача, с трагическим выражением лица, в какой-то не естественной гримасе ея неотступнаго горя - бежала и твердила только одно слово:

"Д е т к и - д е т к и - д е т к и". . . . А потом и приотстала за поездом.

За semaфором, паровоз свернул налево... и в закруглении вагонов поезда - еще раз мелькнула перед нашими глазами маленькая сухенькая фигурка нашей дорогой и драгоценной бабушки - в п о с л е д н и й р а з... . . . С тех пор я ее больше уж не видел на этом свете.

В голодный год, когда Кубань замученно стогнала "под продовольственным налогом красных" - она поехала вдаль "за хлебом", в Невинномысскую станицу и там... там, среди чужих людей, подрезанная косою безжалостнаго тифа, в чумном бараке, среди сотен ей подобных - отдала Богу душеньку свою... и как ненужный хлам - была сброшена в могилу-яму общую...

В РОСТОВСКОМ ЛАГЕРЕ. О П Р О С

Мы следовали в Ростов безо всякаго конвоя. В Ростов прибыли перед заходом солнца. Генерал Морозов, как старший над нами, с пакетом /запечатанным/ пошел по указанному на нем адресу, т.е. в штаб Северо-Кавказскаго военного округа. Вернулся оттуда с проводником и возмущенно сообщил нам, что пакет был по адресу Ростовскаго "чека" и нам приказано идти в концентрационный лагерь, который за городом.

Возмущаться было бесполезно. Нагрузившись тем, кто что имел, мы двинулись по Ростову. В сумерках выйдя из города и поднимаясь на перекаат - на пустыре, по немногим огням и гомону многих тысяч людей, мы поняли, что приближаемся к лагерю. В глубине 3-4 длинных постройки. Весь пустырь охвачен проволокою. Через проволоку пропускные ворота. Через них нас пропустили в массиво людей. Темнота, ничего не видно. Не разбиваясь, мы кучно поместились под открытым небом. Ночью пошел дождь и спугнул нас. Мы, группа лабинцев и кавказцев - кое-как укрылись под каким то навесом как щенята в непогоду...

На утро регистрация нас в канцелярии охранной роты лагеря, помещавшаяся тут же в бараке.

Оказывается, в Екатеринодаре, в "чека", видимо при содействии генерала Морозова, был всем нам составлен список в порядке чинов и бывших должностей. После фамилий пяти генералов, бывших тогда с нами - моя фамилия, почему-то, была поставлена "следующей", видимо по должности самой сильной в Армии тогда - 2-й Кубанской казачьей дивизии, состоявшей из шести полков.

И вот, в порядке старшинства чинов и должностей, вошли мы в узкий корридор канцелярии роты и остановились в затылок один другому. За столом сидели три человека. Перед средним - видимо список нам и наши анкеты.

"Первым" стоял генерал Морозов. Здесь я помещу полный диалог вопросов чекиста и ответов Морозова, который потом задавался абсолютно нам всем.

- Морозов - Ваш чин?
 - Генерал-майор.
 - Должность в Белой армии?
 - Командир корпуса.
 - В белую армию поступили добровольно, или по мобилизации?
 - Добровольно.
 - Где проживает Ваша семья?
 - В Тифлисе /Грузия была тогда еще самостоятельная республика, Ф.Е./
 - Адрес семьи?
 - Не знаю.... Чекист молчит, что то думает и вновь запрашивает:
 - Как же Вы это не знаете адреса Вашей семьи?
 - Не знаю, вот и все... - отвечает Морозов резко, недружелюбно. Чекист молчит, а потом что то говорит со своим, рядом сидящим, а что - я не слышу. И потом вновь, и достаточно вежливо, как бы упрямывая, все же, не скрывать адреса семьи, продолжает:
 - Очень странно, товарищ, что Вы не знаете адреса своей семьи. Ведь Вы с нею переписывались-же?
 - Не знаю, вот и все... и не желаю Вам больше отвечать - вдруг резко, вызываяще говорит он, самовольно поворачивается кругом и скорым шагом идет мимо нас и... уходит из глаз опрашивающего. Эта была большая гражданская смелость генерала Морозова. Наше мнение о нем повысилось.
- Я испугался... мне думалось, что чекист вскочит, схватит генерала за воротник и притянет к столу "для точного ответа". Испугался я, что он может пустить ему и пулю вслед, в спину. Но этого не случилось. Еще немного посидев молча и шопотом переговорив со своим соседом - он выкликнул "следующего"... Им был генерал Хоранов. На последний вопрос, он ответил, что в Белую Армию, он был "мобилизован"....
- Ответили и следующие три генерала - Орлов, Мальчевский и Бобряшев, что и они были "мобилизованы"... и дали адреса своих семейств.

В эти страшные и томительные минуты - у меня боролись два чувства - совесть и страх. Все мы, конечно, хотя и подлежали мобилизации, но, все же, в Белую армию поступили "добровольно", по убеждению борьбы с красными. И вот, я, поддаваясь чувству страха, так же ответил, что "был мобилизован".

И оказалось потом, что все, около 80-ти офицеров, ответили так же, что они были "мобилизованы"... Потом все удивлялись, и, даже, ругали за глаза генерала Морозова за его резкость и бравладу. Нельзя было поверить, что среди нас не было храбрых в боях и смелых граждански, но в данном случае вредно и опасно было делать такую бравладу. Дали и мы адреса своих семейств.

В дальнейшей нашей тюремно-лагерной жизни, продолжавшейся около года если кто из нас хитрил перед красной властью, изворачивался, умно ускользал от нея - он не только что не подвергался нашему товарищескому осуждению, а наоборот - мы его хвалили за это. Это было совершенно правильное поведение тогда. Между собою же, мы совершенно не изменились в воинских взаимоотношениях, все были очень почтительны к старшим, помогали физически слабым. "Друзья познаются только в несчастье" - было нашим девизом. И офицерское благородное воспитание, как никогда и нигде, проявилось у всех нас тогда в высшей мере.

В лагерях было очень много Донских казаков, много офицеров Добровольческой армии, оставшихся в городах, т.е. не ушедших с Армией. Мы были главная группа Кубанских офицеров, прибывшая сюда компактно, к которой немедленно же присоединились одиночные Кубанские офицеры и урядники. Терских казаков совершенно не было. Для исторической справки - приведу полный список нашей группы, по чинам и должностям, кои были записаны мною сразу же, когда я попал за границу в июне 1921 года, т.е. на свежую голову.

1.- Морозов Николай Апполонович, генерального штаба генерал-майор, командир корпуса Кубанской армии, не казак.

2.- Хоранов Валентин Захарович /по осетински - Уджуко Джанхотович/, генерал-майор производства на Черноморском побережье в 1920 году. Уроженец селения Ардон Терской области. Окончил в Ярославле Демидовский юридический лицей, Александровское военное училище в Москве, служил в одном из батальонов Кубанской пластунской бригады, потом перевелся в наш 1-й Кавказский полк за несколько лет до 1-й Великой войны, на которую вступил в чине старшего подесаля /39 лет от роду/ и командира сотни 2-го Кавказского льготного полка. Войну закончил чином полковника. Командир 2-го Кубанского конного корпуса с 12-го апреля 1920 года.

3.- Мальчевский Николай Гаврилович, генерал-майор производства на Черноморском побережье 1920 года. Командир Кубанского Войскового учебного конного дивизиона. До время Великой войны на Турецком фронте - командир сотни 1-го Черноморского полка, отличившийся в этой должности и награжден офицерским Георгиевским крестом 4-й степени. Высокий, сухой добрый человек по натуре.

4.- Бобряшев, генерал-майор производства на Черноморском побережье. Командир одной из Кубанских пластунских бригад при отступлении на Побережье. Маленького роста, тихий человек. Скоро умер нормально, в Москве.

5.- Орлов, генерал-майор, служивший в Войсковом штабе. Пожилой, высокий сухой. Его служба мне не известна.

6.- Полковник Елисеев, Феодор Иванович, казак станицы Кавказской, командующий 2-й Кубанской казачьей дивизией /автор этих строк/.

7.- Земцев Сергей Иванович, полковник генерального штаба. Начальник 4-й Кубанской казачьей дивизией с 12-го апреля 1920г. Во время Великой войны на Турецком фронте был командиром 1-го Сунженско-Владикавказского полка Терского Войска.

8. Бойко Андрей Миронович, полковник генерального штаба, казак одной из станиц Лабинского Отдела. На войну вышел командиром сотни 2-го Кубанского полка для отбытия командного ценца как офицер генерального штаба. На Черноморском побережье одно время был нач. штаба всех войск у генерала Шкуро. Спокойный замкнутый человек.

8.- Жуков Семен Семенович, полковник, кажется казак Прочноокопской станицы, родной брат флигель-адъютанта есаула Жукова, застрелившегося на войне. Служба его мне не известна. Высокий сухой стройный брюнет и очень добрый человек.

9.- Кочергин, полковник, казак ст. Белореченской, начальник Артиллерийского дивизиона 2-й Кубанской дивизии на Черноморском побережье. Во время Великой войны на Турецком фронте, был командиром Терской казачьей батареи.

10.- Борисов Павел Андреевич, полковник, командир Полтавской бригады на Черноморском побережье. Высокий стройный строгий человек, родом не казак.

11.- Дударь Иван Филиппович, полковник, командир 2-го Полтавского полка, кадровый офицер 1-го Таманского полка до войны. Милейший человек.

12.- Фоменко Владимир Николаевич, полковник, командир 1-го Кавказского полка. Старый наш кавказец, до войны вышел "по Войску" /в запас/. С началом войны был призван и был командиром сотни 3-яго Кавказского полка на Турецком фронте. Маленький, сухой, жилистый, умный и приятный человек.

13.- Кротов Александр Павлович, полковник, командир 2-го Лабинского полка. Терский казак.

14.- Богдан Павел Андреевич, казак ст. Уманской, числил себя командиром 1-го Уманского полка. Офицер военного времени, видимо из учителей.

15.- Кононенко Григорий Андреевич, полковник, при отступлении бывший командир 1-го Черноморского полка. Старый кадровый офицер 1-го Екатериносдарского полка, которого я знал в чине подесаула в 1910-м году. Спокойный тихий человек.

16.- Евсюков, полковник из заслуженных сверхсрочных подхорунжих 1-го Линейного полка мирного времени. Георгиевский кавалер всех четырех степеней Георгиевского креста. Капитулирован в должности вр. командующего Линейной бригады. Казак ст. Ханской. Вел себя замкнуто.

17.- Ратимов полковник. Очень старый офицер. Летом 1919 г. был командиром 3-его Запорожского полка в Фуапе против зеленых-крестьян.

18.- Бобряшев Иван Иванович, полковник. Старый офицер одной из Лабинских станиц. Комендант г. Майкопа.

19.- Май-Борода полковник. Командир 1-го Таманского полка. Старый офицер. Стройный брюнет, борода клинушкой, в бурке, в косметой папахе и в плечу - он был словно "горец Кавказа".

20.- Захарьин Иван Петрович, полковник, казак ст. Лабинской. На Великую войну вышел командиром 2-го Кубанского полка. Старый офицер, говорили, бывший щеголь под черкесом, но теперь он старик, болен желудком, страдал. Мне ему помогали.

21.- Захаров полковник, казак ст. Николаевской. Старый офицер. Всю Великую войну на Турецком фронте провел в должности командира 3-его Кубанского полка в Персии. Старый суровый не гнувшийся казак и в плену.

22.- Колесник Иван Калинович, войсковой старшина, вр. командир 2-го Черноморского полка. Казак ст. Анапской. Маленький ростом, милый добрый казак.

23.- Богомаз Иван, войсковой старшина, казак ст. Ханской. из учителей. Вр. командир 1-го Линейного полка.

24.- Несмажный Константин, войсковой старшина, пом. командира 1-го Кубанского полка. Казак одной из станиц Бтальпашинского Отдела. Окончил Владикавказский кадетский корпус, ускоренный курс Николаевского кавалерийского училища в Петрограде. Маленького роста, милый добрый веселый.

25.- Семейкин Яков Петрови, войсковой старшина, вр. командир 3-его Уманского полка на Побережье. Казак ст. Ильинской. Вахмистр и инструктор молодых казаков в своей станице в мирное время, которого я знал тогда. Джигит танцер, песенник. На войну вышел вахмистром во 2-м Кавказском льготном полку и вернулся в чине подесаула. Небольшого роста, аккуратный и молодецкий во всем казак.

26.- Березлев, войсковой старшина, казак ст. Ханской. Командир одной из Кубанских конных батарей. Кадровый офицер-артиллерист. Богатырь ростом, умного, прост, добр. Клад Кубани, неиспользованный до конца.

27.- Москаленко Анатолий Федосеевич, войсковой старшина. Служба неизвестна. Высокий стройный блондин, любящий поговорить.... казак ст. Новотиторовской.

28.- Ламанов Петр Антонович, есаул, интендант одного из корпусов на Побережье. Казак ст. Кавказской. Окончил 3-ий Московский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище в Петербурге /назется в 1902 г./, вышел хорунжим в 1-й Кубанский полк. Потом служил в Закавказье в конной погра-

ничной страже. В 1910 году перевелся в свой по рождению 1-й Кавказский полк, в котором и провел всю Великую войну на Кавказском фронте. Оч. Первоходник.

29.- Боровик Сергей, полковник. Екатеринодарский реалист. В 1913г. вместе со мною окончил Оренбургское казачье училище, хорунжим вышел в 1-й Хоперский полк. Перед войной перевелся в 1-й Екатеринодарский, всю войну провел в 3-м Екатеринодарском полку на Кавказском фронте. В гражданской войне служил в Войсковом штабе. Казак богатой фамилии, имел собственный дом в Екатеринодаре. Жена только что родила "первенца". Затужил, затосковал, заболел в Ростове и был отправлен в госпиталь.

30.- Певнев Сергей Иванович. Полковник, командир Войсковой учебной батареи. Отличный артиллерийский офицер. Держался замкнуто и скромно.

31.- Певнев Константин Иванович, полковник, родной брат Сергея. Казаки станицы Таманской. С братом был неразлучен. Командир батареи.

32.- Мальчевский Гавриил Гаврилович, войсковой старшина, родной меньший брат генерала Мальчевского.

Кавказцы:

33.- Колоно-Валевский Владимир Константинович, полковник, старый Кавказец, был без должности. Считался военным писателем.

34.- Храмов Иван Иванович, войсковой старшина, казак ст. Бжедуховской. Екатеринодарский реалист. В 1913г. вместе со мною окончил Оренбургской казачье училище и вышел в 1-й Кавказский полк. Великую войну провел на Турецком фронте в 3-м Кавказском полку, гражданскую же - вновь в своем 1-м Кавказском. Отличный гордый офицер. Помощник командира полка.

35.- Елисейев Андрей Иванович, войсковой старшина, казак ст. Кавказской, наш старший брат. Техник по образованию. На войну мобилизован во 2-й Кавказский полк. Награжден Георгиевским крестом 4-й ст., командирован в Телавскую школу прапорщиков на Кавказе, окончив которую в 1915 г. назначен офицером в 3-й Кавказский полк. Всю гражданскую войну провел в 1-м Кавказском полку. Помощник командира полка.

36.- Кунаковский Андрей Андреевич, войсковой старшина, казак ст. Расшеватской. Старый Кавказец из урядников мирного времени на льготе. Командир сотни 1-го Кавказского полка.

37.- Додоухов есаул, командир обоза 2-го разряда 1-го Кавказского полка.

Корниловцы:

38.- Трубачев Александр Дмитриевич, войсковой старшина, казак ст. Родниковской. Окончил сотню Николаевского кавалерийского училища в Перербурге в июле 1914г. и Великую войну провел во 2-м Лабинском полку на Западном фронте. В Корниловский полк прибыл в самом начале 1919г. Скромный офицер. Помощник командира полка у Безладнова.

39.- Лебедев Пантелеймон Михеевич, войсковой старшина, казак ст. Лабинской. Сверхсрочный вахмистр Конвоя Наместника на Кавказе графа Воронцова Дашкова мирного времени. Отличный боевой офицер.

40.- Козлов Иван Матвеевич, войсковой старшина, казак ст. Дмитриевской. Сверхсрочный подхорунжий 1-го Кавказского полка мирного времени. Отличный офицер. ~~Батальон~~

41. - Друшляков Федор Матвеевич, войсковой старшина, казак ст. Ильинской Урядник Конвой Его Величества мирного времени. Спокойный, отличный боевой офицер.

42. - Клерже Александр Иосифович, войсковой старшина, родной брат генерала Клерже в Сибирской армии. Кадет Тифлисскаго корпуса, сотник 2-го Полтавскаго полка Великой войны. Первопоходник и старейший корниловец. Добрый характером, отличный офицер. На Побережье был казначеем корпуса. Зная всех долго, в боях и быту, даю свою аттестацию боевым соратникам.

Офицеры учебного пластунскаго батальона:

43. - Богацкой Иван Матвеевич, войсковой старшина,

44. - Стрелецкий Константин Тимофеевич, войсковой старшина,

45. - Бойко Петр Яковлевич, войсковой старшина, окончивший ускоренные курсы Академии ген. штаба в Петрограде во время Великой войны,

46. - Схино, войсковой старшина. Иногородний, уроженецг. Екатеринодара. Окончил в нем Реальное училище, приписан в казаки. Милый человек, умный, рассудительный, пропитанный казачьим духом.

46. - Красковский, войсковой старшина, казак-лабинец, бывший Московский студент - помощник командира 2-го Лабинскаго полка.

47. - Валуйский Иван Андреевич, казак станицы Казанской, из подхорунжих мирного времени. Помощник командира 2-го Полтавскаго полка полковника Дударя, его неразлучный почтительный друг в плену.

48. - Баранов Лука Кононович, войсковой старшина, казак ст. Спокойной - помощник командира 1-го Лабинскаго полка по хоз. части. В 1911 г. окончил Елисаветградское кавалерийское училище и вышел в 1-й Лабинский полк, в котором, за боевые отличия в Персии, против курдскаго племени "шаксевен", в мирное время, награжден орденом Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом

49. - Михайлопуло Константин Дмитриевич, есаул 4-го Кубанскаго пластунскаго батальона. Екатеринодарский реалист, сын полицейместера г. Екатеринодара - природный Кубанский казак-грек. Умняга и весельчак.

50. - Петин Алексей, войсковой старшина 4-го Кубанскаго пластунскаго батальона, казак ст. Новопокровской. Из учителей станицы.

51. - Закрепа войсковой старшина,

52. - Подпорин Федор, войсковой старшина. О них сведений не имею.

53. - Беданокоев Махмуд, корнет, Кубанский черкес, возглавивший Черкесскую конную дивизию при капитуляции, за от. ездом старших офицера.

54. - Начальник штаба Черкесской дивизии - генеральнаго штаба капитан Русской армии - высокий, стройный - фамилию не помню.

55. Корнет-черкес при Беданокоеве, не говоривший по-русски.

Офицеры 4-го Донскаго коннаго корпуса:

56. - Богаевский Владимир Николаевич, полковник, в мирное время офицер 10-го Донскаго полка, коим тогда командовал полковник П. Н. Краснов.

57. - Евтеев полковник,

58. - Буров Петр, войсковой старшина,

59. - Карташев Евстафий, войсковой старшина - командир полка, боготворивший генерала Мамаптова и имел соответствующие усы.

60. - Коротков Митрофан, войсковой старшина из учителей - командир полка

61.- Демидов Александр, войсковой старшина, участник Степного похода,

62.- Волобуев войсковой старшина,

63.- Леухов Иван Абрамович, войсковой старшина. Его багаж состоял из множества книг по философии. Книг было много, они тяжелы и мы ему помогли при передвижениях, но с книгами он совершенно не мог расстаться.

64.- Карнаузов под, есаул. Он и его жена учителя, одностаничники и соседи домами, к которой принадлежал войсковой старшина Миронов, командир Донского конного красного корпуса. Высокий сухой замкнутый человек лет 35-ти. Несмотря на свой малый чин, он был, как бы, главою Донцем здесь. Он и Леухов были сч. авторитетны. Сжились, подружились. И Карнаузов оказался умным, дружественным, разговорчивым и исключительным ненавистником красных и в особенности своего станичника Миронова.

65 и 66 - Есаул и хорунжи Донской гвардейской батареи. Они отличались своим внешним видом и костюмами, даже, и от своих донцев. На них отличная военная форма защитного времени, имели деньги. Лица свежие, даже нежные. В крупных папах черного курпоя "с заломом". Всегда вместе - стройные, выше среднего роста. Веселые всегда между собою. По характеру, видимо, хорошие люди, но "гвардейщину" соблюдали и тогда, "чуть сторонясь всех нас"...

Штаб генерала Морозова:

67.- Штабс-капитан пехоты лет 30-ти, старший адъютант, Москвич. Энергичный, правая рука генерала Морозова, с которым был неразлучен, имея кровать рядом. Фамилию не помню.

68.- Волконский Михаил Семенович, Ротмистр, скромный приятный офицер.

69.- Перепеловский, штаб-ротмистр, Кубанский казак, стройный, замкнутый от нас офицер, воспитанный по-кавалерийски.

70.- Хорунжий Панасенко, кубанский казак, незаметный был,

71.- Хорунжий Приходько, Кубанский казак, незаметный был,

72.- Хорунжий Долженко, Григорий Архипович, казак ст. Петропавловской. Окончив вахмистром Кубанское Алексеевское военное училище 2-х годичный курс - произведен в хорунжие Атаманом Букретовым в Адлере. Как к своему военному преподавателю в Екатеринодаре - присоединился к его штабу. Высокий, стройный, очень добрый офицер/человек/.

73.- Хорунжий Дробышев Александр Иосифович, казак ст. Архангельской. Как и Долженко - произведен в офицеры в Адлере и присоединился к штабу ген. Морозова. Сын богатого отца, был студентом. Он брат секретаря - офицера Краевой Рады Дробышева. Высокий стройный брюнет, гордый, умный, порою дерзкий.

74.- Подхорунжий Мищенко, казак ст. Григориполисской. Личный ординарец генерала Морозова. Среднего роста, широкоплечий, молчаливый, ни с кем не имел общения из нас.

75. Полковник, пехотинец, воспитатель какого то кадетского корпуса. Фамилию не помню. Разговорчив, любил покушать. В Москве был назначен командиром пехотной красной бригады.

Остальных не помню, но было всех около 80-ти человек.

По фамилиям, и должностям и по частям перечисленных офицеров, можно точно установить - какие части Кубанской армии прибыли в Екатеринодар. Мы тогда не знали, что соответственный лагерь был образован и в Армавире куда и направлялись другие части нашей Армии. Урядников и казаков, постепенно, распустили по своим станицам, офицеров же - в Москву и др. северные города России. О них скажу после.

РОСТОВСКИЙ ЛАГЕРЬ.

Он был передаточным, сортировочным пунктом. Первыми, кто встретил нас за воротами - был мой полковой адъютант, станичник и родич - сотник Сергей Севостьянов. Он из учителей и старше меня лет на пять. Вторым был мой постоянный конный вестовой Великой войны Федот Ермолов, казак ст. Расшеватской, награжденный в гражданской войне двумя Георгиевскими крестами, басном вахмистра и затем чином хорунжаго. Всю войну провел во 2-м Кавказском полку. Выдающийся был казак. Но мне, перед ними, было очень стыдно, что... и я попал "сюда"... Несмотря на это - я немедленно же "наскочил" на Севостьянова - как это он ослушался и, вместо того, чтобы ждать полк в от Тифлисской - двинулся на Екатеринодар? Он оправдывался, что, думал - корпус пойдет туда же, к Новороссийску.... В Екатеринодаре же, прпав в заторы всевозможных обозов у городского сада - узнал - мост через Кубань был уже занят красными. Оставив экипаж с моими вещами/самыми ценными для меня/с кучером Максимом из под Воронежа, скрылся у друга, потом вернулся к себе в хутор Лосев, там был арестован и препровожден сюда. Скоро он будет освобожден, вновь арестован и разстрелян со своим братом в Армавире.

После нашего опроса - мы познакомились с лагерем... Это пустырь на небольшом перекате, огороженный наскоро колючей проволокой чуть выше пояса роста человека и шириною пол-сажени. Кругом два ряда часовых с винтовками, на 50 шагов друг от друга. Первая их цепь непосредственно у проволоки из астраханских калмыков, а вторая, на 50 шагов позади - русскими красноармейцами, в интервале меж ними. Стража строгая, неразговорчивая. Ей приказано стрелять в бегущих. Узнали - недавно было убито три человека, решивших бежать ночью.

Кормили отвратительно. Порою нехватало супа. Все стоят в долгой очереди, с жестяными котелками. Дают как собакам - грубо, резко, оскорбительно. В лагерях воды нет. Ее привозят в бочках и только для питья. Все на воду набрасываются как волки. Шум, гам, толкотня, ругань, несутся проклятия кругом, что бы получить ее и вдруг раздатчик заявляет: - "вода окончена"...

Уборная - что то страшное: - глубокая длинная яма; вдоль нея две доски с промежутком между ними; садись и "приспосабливайся" как можешь, что бы не упасть вниз... а вонь - исключительная...

Через Ростов, поездками, следовала 1-я Конная армия Буденного на Польский фронт. Мы видим в лагерях очень много Донских казаков, тысячи. Все в длинных полушубках, в больших черных потрепанных папахах. Но вот, несколько, очень хорошо одетых - гимнастерки, в широких темно-синих шароварах с широкими красными лампасами, в сапогах, а на фуражках - маленькие металлические красные звезды. Мы в недоумении и в осторожности общения с ними. Один из них, особенно чисто одетый, очень грустный, часто проходил мимо нас. Лицо приятное, интеллигентное и мы решили спросить его - "откуда они?" И он нам поведал следующее:

"Донския конныя дивизии подошли к Новороссийску, но мест на пароходах не оказалось. Потом ушли и пароходы... немедленно же вошла и красная армия в город... сопротивляться было бесполезно. Приказано было выстроиться по полкам... Никого не тронули. Дали полкам свои номера и назвали их - "Донской кавалерийский полк № такой-то", вместо "Донской казачий". В каждом полку оставили на местах весь старый командный состав офицеров и урядников, назначив в каждый полк комиссара. Вот и все"... закончил этот донец, есаул, командир полка, добавив: - "а было нас двадцать две тысячи шашек"...

"Потом послали нас против Кубанских зеленых. Жилос не плохо. А теперь, когда полки проходили Ростов на Польский фронт - снимают подозрительных

и вот мы здесь... В особенности вылавливают они чинов Мамонтовского корпуса, которым пощады нет за их участие в прорыве" - закончил печально он.

Только здесь, и впервые, мы узнали о трагедии Донской армии, произошедшей в Новороссийске; удивлялись, возмущались и горько сочувствовали ей. Судьба, и Донской и Кубанской армиям - была почти аналогична.

По вечерам, громаднейшие гурты Донских казаков, в северо-восточном углу лагеря, пели свои старинные, очень тягучие, песни. Подобные песни я слышу впервые. Они их пели молитвенно, словно зывали к Богу о своей неволе. В тишине ночного лагеря, при тусклом свете фонарей - их песнь лилась далеко за проволоку молчаливой красной охраны без протеста.

При нас был арестован известный красный командир конного корпуса Думенко, так долго и довольно удачно воевавший против нас. Его части проходили поездами через Ростов на Польский фронт; он лично был задержан и отправлен в Азов, в тюрьму. Нам очень удивило, что власть посмела арестовать такого популярного конного начальника, принесшего много пользы советской власти и что - корпус его не отстоял. Мы получали газеты, в которых читали, что - "при невыясненных обстоятельствах, был убит комиссар его корпуса, родом грузин, в гибели которого подозревался сам Думенко, т.е. - это он приказал убить своего комиссара, с которым очень не ладил". В обвинительном же акте, было другое - "за присвоение себе больших сумм денег".

В газете приведен и диалог, который был между предс. суда и Думенко. Вот он дословно:

"Правда-ли, что Вы были ротмистром?"

"Нет.. я был только вахмистом кавалерии", ответил Думенко.

"Вы, по должности командира корпуса, получали жалованье 2.000 рублей в месяц - откуда-же у Вас, при обыске, нашлась такая большая сумма денег?" переспросил председатель суда.

Это было "главною виною Думенка официально". Странно было то, что читая это, мы полностью сочувствовали Думенку. Слышали, что его корпус хотел выручить своего молодецкого командира, но власть все предусмотрела: - суд был в Азове, т.е. в стороне от Ростова, очень скорый и... Думенко был разстрелян немедленно-же там, в Азове.

Генерал Морозов запротестовал, что нас посадили в лагерь. Протестовал он лично, по своей инициативе, никого не спросив, даже, и генералов. В протесте он указал, что "мы сдались добровольно, по условиям с красным командованием, которое нарушено"...

Если нас и оскорбляли его доводы, что "мы сдались добровольно" чего, конечно, не было /нас ведь сдали!/- мы, все-же, не протестовали, что бы избавиться от лагерной неволи.

Нас вызвали в город, в "чека", для допроса. Допрашивали персонально, по одиночке, вежливо. У меня спросили фамилию, чин и должность. Перед следователем лежала очень толстая книга в черном переплете. Он открыл ее, просмотрел и сказал:

"Вашей фамилии у нас нет... а вот Савицкого - нет-ли среди Вас?" Я ответил, что такого человека среди нас нет, а о каком Савицком он спрашивал - не знаю.

Спросив всех и узнав, что мы "Морозовцы" - так нас потом называли красные, сказали, что наведут справки - "как капитулировала Кубанская армия и примут решения". И оно принято было скоро. Власть уведомила генерала Морозова, что: - "т.к. группа состоит из высоких начальников, то все будут отправлены в Москву, в главный штаб, где и получают назначения на Польский фронт для защиты отечества"... Это нас не порадовало, т.к. защищать красную Россию, в разговоре между собой, никто не хотел.

"ПОСЛЕДНЕЕ ПРОСТИ-ПРОЦАЙ" и... НА МОСКВУ.

Всю нашу группу в 80 человек препроводили к вокзалу. Поезда еще нет и все расположились в жел.дор.садике "по-цыгански". Совершенно неожиданно, к нам приехали из станицы жена брата и Надюша. Это было так кстати - хоть два живых лица с родной Кубани прибыли, словно гонцы с родных полей, что бы проводить нас всех здесь узников "страны родной", в далекий и неведомый нам путь...

Мы голодны. Всяк стремится что то достать, покушать. Отлучаться запрещено. Стоит конвой.

"Пойди, Надюша, купи - кому провизии, кому кусочек мыла, иному табаку, иль - опусти письмо на родину-Кубань!" - прошу ее.

В станичных мягких "козловых" балмачках-чевяках, в коротенькой юбченке девушки-подростка и в беленькой косынке с кружевами, с услужливо-послушной улыбкой сквозь слезоньки на ласковых глазах в предверии мучительной разлуки с братьями - она спешила угодить-помочь нам всем, что бы хоть как-нибудь, что бы хоть чем-нибудь исполнить, облегчить желания нас всех, увы - невольников...

Послали на толкучку и еще купить нам "что-то". Вернулася в слезах: пока она выбирала - голь босяцкая стащила у нея кошелек с деньгами. Успокоил и приласкал.

"Пробежи, Надюша, и еще к знакомому семейству /по Майкопу/, с замской благодарственной за книги на дорогу", сказал я ей.

Встав молча и послушно и ласково взглянув на нас - она пошла. Я нежно провожал ее глазами вслед, рассматривая ее походку торопливую. Как бы свидетельствуя - "подожди... я скоро вот вернусь" - она, перед углом улицы, к нам оглянулась, еще раз нежно улыбнулась и скрылась за забором. И... кто бы тогда поверил, что - это был ее "последний взгляд"... Она вкоро, в этом же году, умрет жестокой и насильственной смертью.

Прошли минут... всего две-три... нам неожиданно подали вагоны для скота и... поезд двинулся на север. Ее, сестренушку Надюшу, я больше уж не видел на этом свете...

- . -

-- В экипажке городского извозчика, к вагонам под, ехал комендант города. Вздвигая генерала Морозова. Подошли и некоторые из нас, послушать. Интеллигентный видом сухощавый человек лет 30-ти от роду, сидя в экипажке, говорит-рассказывает Морозову, что он в прошлом штаб-ротмистр одного из кавалерийских полков. Служит исправно и красной России. Два раза был в нашем стане и сумел купить в армии генерала Май-Маевского несколько вагонов "чего-то" и препроводить к нам, к красным. Говорит гладко, не хвалясь, а, как-бы, рассказывая. Морозов стоит "вольно", слушает его, чуть улыбается, но ничем не реагирует. Мы тоже - стоим поблизости и слушаем. Слушает и извозчик и начальник нашего караула. А потом он подзывает последнего к себе и строгим, начальническим тоном, говорит ему:

"Смотри!... это наши бывшие враги. Но сейчас - друзья. Никаких насилий над ними в дороге. Ты сюда вернешься. И если я узнаю о произволе над ними - предам суду военно-революционного трибунала".

Начальник караула стоял "на вытяжку", внимательно слушал приказание, а последние слова "о предании суду военно-революционного трибунала", были для него, видимо, не простыми словами. И мы невольно обратили внимание на своего, теперь, конвоира. В нем ничего не было "красного". Перед нами стоял подтянутый солдатик былой, возможно ефрейтор или младший унтер-офицер

крестьянин с серьезными и добрыми серыми глазами, с хорошей военной выправкой и, видимо, думал - хоть бы скорее окончить эту надоевшую ему службу, вернуться в свое село и... работать.

Мы в двух вагонах. Длинный поезд красных товарных вагонов стал тихо маневрировать, что бы перейти на главный путь в Москву. Нюра, жена брата, печальная и молчаливая как смерть, что бы и еще как можно глубже наглядеться на своего мужа - она отходила все дальше и дальше в сторону от маневрирующего поезда по паутинам рельс, изредка махая нам платочкам свое последнее "прости-прощай"...

Стоя с братом у открытых дверей вагона - безпокойными глазами напрасно силился я розыскать хоть издали возвращающуюся Надюшу... Она опоздала вернуться. Наконец наш поезд закругленно повернул направо и скрыл от нас и Нюру... С тех пор и ее я больше не видел. Погибла и она где-то....

Дочь атамана, урядника Конвоя Императора Александра 3-яго. Семья староверческая, твердая в своих убеждениях стародавних казаков и патриархальной жизни. Хорошо грамотная казачка, видная собою брюнетка, преданная жена - что она тогда переживала, рабавааясь с мужем - трудно описать.

Трагедия Казачества коснулась не только что самих казаков-воинов, но и их семейств. Для Истории - поведаем печаль свою....

КАРТИНКИ В ДОРОГЕ НА МОСКВУ.

Наша первая большая остановка поезда в Новочеркасске. Некоторые из нас с удовольствием купаются в реке Аксай. Река тихая, вода мутная. Генерал Морозов оказался большим любителем купания и отличным пловцом. В город нас не пустили, но у вокзала ходили свободно, покупая продукты у торговавших баб. По поднимающейся от вокзала улицы в город - погнались под сильным конвоем большую группу Донских казаков.

Двинулись дальше. В нашем вагоне Корниловцы, Кавказцы, Лабинцы, учебняне-пластуны и другие молодые штаб-офицеры. Генерал Морозов со своим штабом, с генералами и старыми полковниками в переднем вагоне. Ехали вольготно. От жары - размещались, даже, на крышах вагонов.

В каждом вагоне красноармеец с винтовкой. В нашем вагоне - здоровый молодой 22-х летний парень, русский, с открытым лицом, в потертом обмундировании и... босиком. Охрана нас, белогвардейцев, его совершенно не интересовала. Поставив винтовку в угол вагона, сел у двери, свесил босые ноги и что-то напевает. Сидим и мы с ним рядом. И разговорились...

"Как твое имя?" спрашивает кто-то.

"Ляксандра".. отвечает коротко. Его ответ, сразу же показал нам - кто он. Конечно - распросы - какой губернии? почему в красной армии и пр? Оказывается - он из Астраханской губернии, но по левую сторону Волги. Он видел белых... "При них было хорошо... потом пришли красные и мобилизовали молодежь... но сапог не дали"... И он все равно "как-нибудь, но убежит домой", закончил парень.

Во всю дорогу до Москвы в течении двух дней - он неизменно исполнял все поручения наши - купить что, или принести кипятку.

Богатырь мужчина с мощною душою и голосом, войсковой старшина Березлев сидит в открытых дверях вагона, спустив ноги вниз. Подходит "Ляксандра", присаживается рядом и говорит:

"Эй!.. подвинься товарищ!"...

"Да не товарищ я тебе, а господин полковник!.. ишь, спертника нашел! А то, вот, как двину т тебя, так и выветишь из вагона!" - резко и серьезно отвечает ему Березлев, казак станицы Ханской и командир батареи. Наш конвоир смутился, ничего не ответил и тихо присел. Ну, а потом, мы их "помири-

ли"... уж больно хороший парень был этот Ляксандра.

Но вот он сменил. Вместо него стоит аккуратно одетый и серьезный красноармеец. Стоит в углу с винтовкой и с нами не разговаривает, но внимательно всматривается на нас.

"Откуда будешь, земляк?" - спрашивает кто-то.

"С Кубанской области" - вдруг огорашивает он. Нас это передернуло.

"Иногородний?... из города?... из какого села?" - забросали его.

"Из станицы Петропавловской" - отвечает он.

В нашем вагоне сидит хорунжий Долженко этой станицы. Услышав его слова, он подходит к нему, всматривается в его лицо, но не узнает знакомого. Во всяком случае, вступает с ним в разговор - где он жил, кого знает в станице? - как контроль. Оказывается, он с самого начала был в красной армии, у Сорокина, которого хорошо знает, как своего станичника и начальника.

Красноармеец умный, говорит не торопясь, думая и знает - что говорит. Вот его слова:

"Сорокин не был красным по настоящему. Но он не был и за Деникина. Он хотел сделать что-то свое и, во всяком случае, не коммунистическое. Он был очень умный человек, сильно военный, удачно командовал и был очень популярен тогда в своей армии. И очень жаль, что он погиб. Я был в его личном конвое, почему многое знаю", закончил он.

На наш вопрос - "ну, а теперь, как в красной армии? что она хочет?" И он ответил:

"Хотеть уже нельзя... а надо исполнять то, что прикажут. А деваться некуда"...

После такого признания, этот наш бывший праг, стал нам своим человеком, а для доброй души хорунжика Долженко, скончившего пажмистром военное училище - он стал "дорогим станичником"... Такова ирония судьбы.

Мы проезжаем по Донской области, где жизнь идет, как будто, нормально и где, на вокзалах, можно достать съестное. Но вступаем в Воронежскую губернию и... все переменяется. Мы вступили, словно, в другую страну. Толпы крестьян, в своих длинных кафтан-сермягах домашнего изделия, в лаптях, длинноволосые, изможденные голодом, запуганные - они робко окружают вагоны поезда, прибывшего "с сытного юга" и тупо смотрят на нас. Смотрят тупо и робко своими печальными глазами, полными тоски и голода. Они не знают - кто мы. Наш вид еще не был отощалый. Смотрят на нас боязливо, а потом, какой-либо из них, так печально, задушевно, спросит:

"Товарищи... дайте хоть махонький кусочек хлеба"...

Мы проходим полосу Мамантовского рейда по тылам красных. Разрушений сделано, действительно, много. С нами едут Донские офицеры, участники рейда. Боясь, что бы их не узнали жители - они не выходят из вагонов. Но, оказалось - жители были очень довольны рейдом, т.к. им многое досталось от разграбленных запасов красного индетцанства. И оглянувшись, что никого нет из подслушивающих - дозвлялись: - "всего было тогда в достатке, а теперь - мы голодаем"...

В М О С К В Е . Ф И Н А Л . . .

До нея ехали ровно два дня. Поезд остановился на какой-то товарной станции. Наши два вагона отцепили и поставили изолированно между многочисленными жел.дор. путями, на которых было очень мало поездов. Генерал Морозов, со своим старшим адъютантом штабс-капитаном и начальником конвоя отправился в самый Кремль по указанному адресу на большом запечатанном пакете, в котором, видимо, находился наш список. Вернулся он не скоро. Мы ждем его с понятным волнением. Он возвращается, улыбается нам как-то загадочно и, что бы всем было ясно и понятно - передает кому-то свой большой

секретный пакет из Ростова в Москву, на котором, синим карандашом, в левом нижнем углу, крупно, по диагонали, красивым подчерком написано:

"Отправить в Кострому, в губ-чека, для фильтрации Ченикинских офицеров".

Эта надпись повергла нас в уныние и, даже, страх. "Для фильтрации... в губернское чека" - это же посылают нас на разстрел, да еще в такую глушь - было общее мнение. Что-же делать?... что-же делать? поднялся у всех вопрос.

Мы знали, что в Кремле, при Центральном исполнительном комитете народных комиссаров, существует "казацкий под, отдел", так называемого "трудового казачества" но по нашему - "предательского казачества". Хотя, в нашем сознании, он был орудием казачьего зла, еще более гадливое чем другие красные, но он мог быть единственным, могущим заступиться за нас.

Кто-то узнал, что из Екатеринодара только что прибыл сюда Ян Полуян, председатель совета Кубанской области. Указали, даже, на его вагон 3-яго класса, стоявший невдалеке от наших. Надо обратиться к нему, говорили. Но - кто его знает? Кто с ним знаком? - спрашивали мы друг друга.

Знакомых не нашлось. С полковником Фоменко, все-же, идем к вагону Яна Полуяна, как уполномоченные. Вагон маленький, грязный. Возле него стоят человек шесть кубанских казаков, в чем сомнений не было, но кто они - мы не могли узнать. И не узнали. Упитанные лица, чисто выбритые. Богато и щегольски одеты. Все были в белях или защитных длинных гимнастерках, в офицерских диагональных бриджах, в шевровых сапогах на каблучках с высокими голенищами. Все при дорогих серебряных кинжалах. Все в черных каракулевых папках. Одеты были чисто по-офицерски, но они не были офицерами, что мы с Фоменко уловили сразу-же. Так одеваются только писари высоких казачьих штабов. Но их же вид был полной им противоположностью, к тому же очень потертый и помятый.

Подойдя к ним, мы коротко козырнули и спросили - "можно-ли видеть товарища Яна Полуяна?"

"Нет... он уехал к себе на квартиру и мы сами его не застали здесь", ответили они.

"А кто Вы?" вежливо спрашиваем их.

"Мы члены казачьего под, отдела трудового казачества в Москве", ответили.

"Вы Кубанцы?" - допытываемся.

"Да, Кубанцы... а Вы что хотите?" - переспрашивают. И мы им сообщили "кто мы и зачем пришли"...

Наше откровение к ним не только что не понравилось им, но, как-бы, умаляло их достоинство, что они, вст, говорят с бывшими белыми полковниками Кубанскими казаками, их бывшими врагами. В душе клокотало, смотря на этих разжиревших казаков в Москве, представлявших собою, почему-то "трудоное казачество"... и к тому же - наше Кубанское казачество. Жуткое осознание. Защиты мы не попросили от них и вернулись ни с чем к своим вагонам доблестного Кубанского офицерства, попавшего в красную неволю.

Ночью наши вагоны перевели на Рыбинский вокзал, для препровождения в Кострому.

11 марта 1964г.

Нью-Йорк.

Полковник Елисеев.

Я получил несколько писем от очень почтенных читателей-казаков, которые просят описать все подробно - что дальше произошло? Вот почему я и не вместил "конец" в эту брошюру. Он будет в следующей, №11-м.

Ф. Е.

ДОПОЛНЕНИЯ И РАЗЪЯСНЕНИЯ: /на запросы читателей/.

Групповой снимок на обложке брошюр "Лабинцы и последние дни на Кубани" - это есть урядники-старики нашей Кавказской станицы. Станичный историк, Войсковой Старшина в отставке Антон Данилович Ламанов, соратник по Туркестану генерала Снобелева в чине Хорунжаго, старовер, сын "первых поселенцев" из Донских казаков Нижне-Чирского района, образовавших нашу станицу - написал книгу о переселении Донских казаков на Кубань в 1794 году, с подробным описанием и образования и быта Кавказской станицы и староверческого движения в ней. Являясь очень популярным казаком-офицером в станице, живя давно в отставке, он сделал очень много фотографических снимков замечательных казаков и урядников станичников на военных и церковных поприщах, которые и поместил в своей книге. Я их имею. И как самый образный и красивый из них - поместил на обложке Георгиевских кавалеров-станичников Русско-Турецкой войны 1877-78гг. и урядников-конвойцев, "Собственного Его Императорского Величества Конвоя" - /как он официально назывался/- Императоров Александра 2-го, Александра 3-яго и Николая 2-го. Снимок сделан в 1914 году. Вот их фамилии:

Георгиевские кавалеры, ветераны Русско-Турецкой войны 1877-78гг. - 1. Ф. Дмитриев, 2. Илья Иванович Диденко, он же и урядник Конвоя Императора Александра 3-яго, великан-казак, могилан-казак, черный как жук. Разстрелян красными 24-го марта ст.ст. 1918 года после нашего неудачного Кавказского восстания. 3. А. Нестеров, 4. Семен Иванович Наумов, вахмистр, старовер, Георгиевским крестом награжден участвуя в подавлении "Боксерского восстания", почему в станице прозван "китай". Последний станичный атаман в 1920г. 5. А. Орешкин, 6. Шерстобитов, 7. Петкевич.

Урядники-конвойцы на льготе, в запасе, в отставке:- Гавриил Герасимович Булдыгин, сын офицера Кавказской войны и "начальника станицы" по тогдашнему положению. Богатый человек, получивший от отца "офицерский участок" в 200 десятин в юрте станицы. Вахмистр Конвоя Императора Александра 2-го. Высокий стройный крупный мужчина. Долгий атаман станицы. Умный и строгий. При своем атаманстве построил в станице Войсковую больницу и здание 2-х классного училища. В станице его уважали и боялись. Летом 1918 года, по ходатайству станичного сбора, Войсковым Атаманом генералом Филипповым, произведен в чин Хорунжаго. Летом 1920г. в массе Кубанской служилой военной интеллигенции был сослан в Холмогоры, где все они и тогда жили. 9. А. Чеплигин, станичный атаман. Умер в 1915 году. 10. И. Шатохин, старовер. 11. П. Рытов и 12. В. Смольняков - конвойцы Императора Александра 3-яго. 13. Е. Ермаков /имел бедное хозяйство/, 14. А. Стуколов, 15. А. Брокин, 16. С. Севстьянов, 17. Иван Яковлевич Назаров - наездник, песенник, танцор. В брошюре №9, на стр. 17-18 - описано, как его ограбили красные под Туапсе. Разстрелян красными с братьями своими, 18. Н. Бунев. Не отмеченные - они были в Конвое Императора Николая 2-го.

На снимок попали не все конвойцы и Георгиевские кавалеры, видимо, зажиточной суетой. И это есть "третья группа". Имею и группы №1 и 2-й.

В каждой станице были свои герои и служившие в Конвое при Русских Императорах, только их не сумели приподнести для Войсковой истории. Это есть наша "казачья слабость", которая непонимается до сих пор...

Кавказская станица - самая старая на Линии. В ней - Управление Кавказского Отдела, штабы - льготного 2-го Кавказского полка и 10-го пластунакского батальона. Ввиду этого - в станице живет много офицеров, а отсюда - казаки-кавказцы подтянуты воински, щегольски, имеют знакомства с офицерами и, при наборе в Царский Конвой - имеют естественную протекцию. По наездничеству и джигитовке - станица всегда брала первенство. Вот почему в Конвой к Императорам, Кавказцев поступало /принималось/ больше, чем от других станиц. Ф. Елисеев.